

Вера

Александр Нотин

НА ПУТИ К ДУХОВНОЙ ГРАМОТНОСТИ

Идея вечности и наша жизнь

В прошлый раз мы кратко назвали основные подходы к пониманию вечной жизни: материалистический, пантеистский, исторический, родовой и, наконец, христианский. Пришло время поговорить теперь о самой идее вечности и её значении для человеческого бытия.

Более или менее глубокое осознание каждым из нас факта бессмертия собственной души — это не просто некое отвлеченное знание. Нет и нет! Это тот стержень, от прочности которого зависит качество неопределимо короткого нашего пребывания на земле. Кто из нас точно знает, где, когда и как он умрёт? (О смерти в дальнейшем мы ещё будем говорить, и не раз.) Конечно, никто. Внезапно Судия придёт, — говорится в Евангелии, — и деяния каждого обнажатся. В этой короткой фразе все слова весомы и значимы, и одно из них — слово «внезапно». Итак, я точно знаю,

что умру, но зачем я живу, доподлинно не знаю. Дальше логика проста. Если я здесь только случайный гость, неизвестно как, кем и с какой целью заброшенный на планету Земля, если не сегодня — завтра я обращусь в нуль и кану в небытие кромешного мрака, то о каком назначении, ответственности или нравственном уставе моего существования вообще может идти речь? Сама мысль о смерти, лишённая перспективы личного бессмертия, рано или поздно подточит и сокрушит самое толстокожее сознание...

Если задуматься, нельзя не признать: идея бессмертия — единственный реальный ориентир, указывающий на цель и смысл бытия человека. «Без высшей идеи, — писал Ф.М. Достоевский, — не может существовать ни человек, ни нация. А высшая идея на земле лишь одна, и, именно — идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные высшие идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из неё одной вытекают».

Каково же практическое значение этой идеи в нашей жизни?

Первое — она помогает преодолеть подспудную тягу человека к смерти, к самоуничтожению, к самоубийству, которая неотвратимо и нарастающим итогом обнаруживает себя в любой языческой среде. Цепочки причин, влекущих человека к гибельному рубежу, всегда различны, но в основе их мы чаще всего находим следующую мотивацию: «Жизнь надоела — не стоит жить!». Материальный мир слишком изменчив и противоречив, чтобы удовлетворить сознание, хотя бы немного возвышающееся над животным уровнем. Непонимание сути смерти как перехода из одной формы бытия в другую, гнетущий ужас перед неизбежным концом и отсутствие трепетной ответственности за свою вечную душу (при бессознательном ощущении ею «холода вечной бездны») — вот что часто толкает человека на злейшее из преступлений — насильственное пресечение собственной жизни.

Второе — идея вечной жизни придаёт необычайно острый и пряный вкус каждому прожитому мгновению. И, заметим, почти безотносительно «бытовых» условий существования. С этой идеей можно быть счастливым в тюрьме, без неё — бесконечно несчастным даже в дворцовых чертогах. Она, с одной стороны, в значительной степени

растворяет животный страх смерти, освещая его немеркнущим светом Истины; с другой — наполняет чувством долга и осмысленности каждый прожитый миг, каждый вздох, каждый сделанный по земле шаг... ибо не знаем дня и часа исхода души нашей из тела.

Третье — эта идея представляет собой единственное начало, способное на протяжении всего жизненного пути, каким бы трудным он ни выпал, удерживать человеческое естество в границах нравственного закона; да и сам нравственный закон имеет вес лишь в контексте продолжения бытия души за гробом; он превращается в совершеннейшую абстракцию без оного. Без перспективы вечности человеку вообще сложно остаться человеком, и не удариться из одной крайности — самоубийства в другую — оскотинивание или посвящение всего себя удовлетворению низших животных страстей, следуя известному эпикурейскому правилу: «Станем есть и пить, ибо завтра умрём!».

Наконец, четвёртое — идея вечной жизни служит путеводной звездой, указывающей человеку путь к Богу. Ибо Бог есть сущее и всё во всём. И Он есть вечность, которая являет себя, разумеется, и в этой, временной, земной жизни (правда, видим Его мы «гадательно, как бы сквозь мутное стекло», однако, с наибольшей силой и резкостью — ТАМ,

за смертным рубежом, когда освобождённая от телесных оков душа навсегда воссоединится с миром, откуда она родом.

Происхождение души

Этим постом мы начинаем цикл занятий о душе человеческой, её происхождении, сущности (характеристиках, свойствах и функциях) и, наконец, её последней судьбе в вечности.

Сразу оговоримся: речь идёт об одном из самых трудных разделов христианской антропологии. «Вот стар я уже, — писал блаженный Августин, — а и теперь так же не понимаю тайны происхождения души, как не понимал в юности».

Тайна — вот, пожалуй, самая верная характеристика происхождения и бытия души. Не потому ли, касаясь этих тем, Святые отцы предпочитали окружать их благоговейным молчанием, нежели объяснять?

Резюмируя всё наиболее важное, что сообщают нам в этой связи Писание и духоносные Отцы, попытаемся кратко изложить учение Православной Церкви по данному вопросу.

Вопреки широко распространённой в Древнем мире (Пифагор, Платон, Порфирий и др.) гипотезе о предсуществовании душ, наша Церковь всегда держалась и поныне держится мнения о том, что они творятся Богом.

Пятый Вселенский Собор выразил эту позицию достаточно ясно: «Церковь, следуя божественным словам, утверждает, что душа творится вместе с телом, а не так, чтобы одна творилась прежде, а другое после...».

Творение души есть не непосредственное творение Божие, но посредственное: Бог творит человеческие души, как и тела, силою того самого благословения («плодитесь и размножайтесь»), которое Он даровал нашим праотцам ещё в начале, творит не из ничего, а от душ родителей.

Хотя души получают бытие через творение, однако, по учению Церкви, происходит это так, что на них переходит зараза прародительского греха.

Когда же именно творятся человеческие души, и как они соединяются с телами?

Образование вещественного тела, учат Отцы, происходит в материнской утробе постепенно, а душа — существо простое (ударение на последнем слоге) — может твориться только мгновенно.

По мнению Кирилла Александрийского, Августина, Феодорита и др., душа даётся от Бога «в то время, когда тело образуется уже и соделывается способным к принятию оной».

Отсюда вывод: младенец ещё в утробе матери, то есть до своего появления на свет, уже имеет об-

раз Божий, уже становится «изображённым».

Какие наиболее распространённые заблуждения на этот счёт встречаются в наши дни?

— Например, говорят, будто души, как и тела, происходят от семени родителей. Оно ложно и вредно потому, что отсюда следует утверждение о вещественности человеческой души и её, следовательно, смертности вместе с телом.

— Далее, мнение о том, будто души происходят сами собой от души родителей подобно тому, как тела происходят от тел — такое допущение ведёт к признанию делимости души и дальше, опять-таки, её вещественности и смертности.

— Наконец, некоторые ошибочно считают, что души человеческие творятся Богом из ничего и посылаются Им в тела — это противоречит одному из ключевых догматов Православия относительно распространения первородного греха от родителей на детей путём естественного рождения.

Особо же распространена (и, к сожалению, встречается даже и православной среде) гипотеза предсуществования душ, имеющая многочисленные и разнообразные ответвления, в том числе и совершенно не христианские: иудаизм, индуизм и др.

Эта гипотеза предполагает, что все души человеческие существуют от создания мира, и до вселения

в тело пребывают либо в соединении с Богом, либо в т.н. мировой душе, либо странствуют по телам животных, ожидая (в награду или в наказание) своего соединения с человеческим телом.

В своё время в опровержение подобных взглядов решительно выступили Иустин Философ, Григорий Нисский, Василий Великий.

Их аргументация вкратце сводилась к следующему:

Во-первых, против этого протестует весь наш жизненный опыт: коль скоро мы не помним ничего из своей «прошлой жизни», само допущение о некоей награде или наказании души как предпосылке их вселения в тело становится абсурдным.

Во-вторых, непонятно (и не может быть никак объяснено), чем и где была душа до соединения с телом, что она делала, для чего направлена в тело и др.

В-третьих, искажается правильное понимание роли самого тела, которое, в свете этого лжеучения, становится случайным (и потому малозначимым) вместилищем души.

В-четвёртых, идея предсуществования открывает простор для дальнейших фантазий и измышлений, к примеру, для той же широко популярной сегодня идеи реинкарнации душ, совершенно уводящей от подлинного христианства.

О бессмертии души

Это выглядит, по меньшей мере, странно, но весь наличный, весь чувственный опыт человека и человечества, кажется, на корню отвергает саму идею бессмертия! Каждую секунду смерть, пожиная свою жатву, вызываясь попирает её.

И всё же мысль о вечности, как о месте законного обетования некогда смертных людей, была актуальна во все времена и у всех народов.

Да и в каждом из нас, право, в какие-то моменты (у кого-то — сильно, у кого-то — еле-еле) присутствует это чувство бессмертия. Что это — фантазия, мечта? Или некая реальность, скрытая до поры до времени?

В арсенале христианской аполгетики найдётся целая система доказательств бессмертия души. Однако, следуя заведённой на портале «Переправа» традиции (всё-таки наша цель — постижение азов веры, а не академическое богословие), мы коснёмся лишь некоторых наиболее ярких и убедительных аргументов. Условно разобьём их на три группы.

1. Первая группа доказательств бессмертия души связана с разумностью человека. Развитие разума есть главнейшая и неоспоримая цель бытия *homo sapiens*. Более двух тысяч лет тому назад Аристотель изрёк: «Всякий человек имеет

естественное желание знать». Но на что же, прежде всего, указывает история познания, история наук? А свидетельствует она о том, что знание бесконечно: раздвигая границы познанного, мы всякий раз неизменно расширяем и периметр непознанного. И так — до бесконечности, сколь бы ни старался научно-технический прогресс догнать свою тень. И вот уже Сократ признаётся: «Я знаю одно — что ничего не знаю». И вот уже каждому честному исследователю ясно, что вершины истины недостижимы, и на вопрос, «что есть истина?», он должен ответить словами апостола Павла: «Теперь мы видим как бы сквозь мутное стекло, гадательно» (1 Кор. 13,12). И как в этом контексте искренне звучит смиренно-горькое признание одного из величайших умов современности Исаака Ньютона: «Я не более, как ребёнок, собирающий раковины (крупички знания. — А.Н.) на морском берегу...».

У странного и досадного тупика познания может быть только два объяснения. Либо природой (а, значит, и Богом!?) допущен какой-то сбой, в результате чего человек, единственный из всей твари, оказывается неспособным до конца реализовать себя и свою естественную тягу к познанию мира; «человек слишком широк для этого мира — его нужно бы сузить» (Ф.М. Достоевский). Но это априори нонсенс, ибо

Бог не только всеблаг, но Он ещё и всемогущ, и созданный Им мир представляет собой столь безупречную гармонию, порядок, экономию и бережливость, что любое сомнение в несовершенстве какой-либо из его частей выглядит как кощунство. Это равно касается и мельчайшей песчинки, и гигантских новых звёзд. Чего уж говорить о человеке — «любимом чаде Божиим»?

Но если отбросить первое допущение, тогда не остаётся ничего иного, как признать (притом признать твёрдо), что истинное назначение человека не ограничивается ЭТОЙ, земной жизнью, и развитие его ума будет иметь продолжение в ТОЙ жизни, в вечности, где нет, и не может быть никаких пределов.

«Таким образом, — резюмирует Е. Тихомиров, — бесконечное развитие человеческого ума требует бессмертия человека».

Именно эту важнейшую мысль выражает апостол Павел, утверждая: «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а когда стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, — тогда же лицом к лицу; теперь я знаю отчасти, — а тогда познаю, подобно как я познаю».

2. Вторая группа доказательств бессмертия души апеллирует к природе человеческой воли. У неё, как

и у разума, тоже есть свой идеал. Это осуществление добра. Как ум мечется в погоне за ускользающей от него истиной, так и воля блуждает и спотыкается, ища своего. Чего же своего? — спросите вы. Ищет она, не всегда даже осознанно, того, что именуется нравственным идеалом. В Православии это святость, богоподобие, обожение: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный» (*Мф. 5, 48*). Человек знает, ощущает, что идеал существует; «душа человеческая — по природе христианка» (Тертуллиан). Однако достичь этого идеала невероятно трудно, ибо воля наша — через призму совести — непрерывно испытывается ещё одним даром Божиим — свободой.

Изначально повреждённая природа человека, по словам Святых отцов, «удопреклонима к греху». Легче катиться вниз по наклонной плоскости, чем карабкаться вверх. Да и какое достоинство претворять свою свободу в бездействие, апатию, угождение плоти и животным страстям? Достоинство свободы (и самая суть её!) заключено в преодолении сопротивления плоти, в труде и победе над главным врагом всякого человека — самим собой, «глеющим в похотях прелестных». А этот путь, как и земной путь разума, нескончаем, этот идеал фактически недостижим. Осуществил на его практике один лишь Христос, но Он был богочеловеком.

Нам же определено иное: всяк человек ложь, и нет на земле человека, который, прожив, не согрешит. Не потому ли даже апостол Христов однажды сетует в сердцах: добро, чего себе хочу, не делаю, а зло, чего не хочу, делаю!

Итак, нравственное совершенствование не может удовлетвориться земным уровнем, а требует более широкого поприща. Требуется оно возможности реализации в вечности. «Остановка в начале пути, на исходном пункте развития, ненормальна так же, как ненормально пребывание в младенческом возрасте в течение всей жизни».

3. Помимо ума, жаждущего познания, и воли, естественным и здоровым побуждением которой может быть только нравственный рост, человек одарён ещё сердцем, мечтающим о счастье. С ним, с сердцем, связана третья группа доказательств бессмертия души.

Жизнь человека можно определить как погоню за счастьем, благом, блаженством. Но много ли среди нас безусловных счастливыхчиков? Найдётся ли хоть один? В молодости явное несчастье больше удивляет, чем ужасает; «птица счастья» кажется близкой и доступной... Но затем неотвратимые удары судьбы — несчастья и болезни — открывают глаза. Надежды и иллюзии сменяются разочарованием. И, в конце концов, все мы в душе вынуждены согласить-

ся с царём Соломоном, имевшим в своей жизни, кажется, всё, что должно составлять счастье: «Всё суета сует!».

Но если на этом свете нет ничего, что могло бы обеспечить человеку полное счастье, не получаем ли мы ту же, что и в двух первых случаях (группах доказательств бессмертия души), антиномию: человек не может на земле получить то, к чему призван. И если конечные цели ума, воли и сердца достижимы (а они должны быть достижимы!), то не ЗДЕСЬ, не в этой скоропреходящей, непрочной и непостоянной реальности, а там, куда душа устремится, однажды разлучившись с телом. Здесь мы имеем только предчувствие счастья, но не его само. Только соединившись — но не автоматически, а вследствие духовных подготовительных трудов и борьбы — с Вечным Источником всех благ — Богом, обретём мы искомое счастье. Это будет, по Евангелию, на новом небе и на новой земле, где Господь «отрёт всякую слезу с очей наших, и смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо всё прежнее пройдёт».

Душа человеческая бессмертна — не случайно Святые отцы считали тело наше лишь временной темницей для неё, а жизнь на Земле — «скоропреходящей ночью бытия». Только уяснив это, а ещё лучше — укоренив это сознание в себе с некоторой

дрождью, смущением и восхищением, можем мы ступить на единственный (и для каждого свой) «узкий путь» веры, ведущий в Жизнь. Только так — с помощью Божьей — раскроются личные таланты и силы, скованные болезнями и слепотой души, её неверием в собственное вселенское достоинство и вечное призвание. Только так можно спокойно, открытыми глазами взглянуть на устрашающее явление — физическую смерть.

Душа безгранична

Ранее мы коснулись, в основном, вопросов происхождения и сущности (характеристик) души. Установили, что, согласно христианской антропологии, она творится Богом опосредованно и несёт на себе отпечаток заразы прародительского греха. Убедились, что душа вечна и, следовательно, является законным представителем в человеке со стороны незримого духовного мира, с которым она соединяется после разлучения с телом — смерти. Признали, что в душе больше таинственного, чем очевидного.

В самом деле, если задуматься, много ли мы знаем о своей собственной душе, не говоря уже о чужих душах, которые вообще — «потёмки»? Гораздо легче смириться с мыслью о том, что душа — это бескрайная и непостижимая вселенная со своими галактиками и кометами, сверхновыми звёздами и чёрными дырами.

Всю жизнь мы силимся разгадать её тайну, но всякий раз, проходя через те или иные испытания, мы словно бы заново знакомимся с нею и... не перестаём ей удивляться.

Итак, ещё одна характеристика души — её безграничность. Если тело обладает явной и грубой материальностью — его можно потрогать, измерить, взвесить, понюхать, наконец, — то душа совершенно эфемерна. Её взаимоотношения с телом не так уж просты, как может показаться на первый взгляд. С одной стороны, душа заключена в тело как в «кожаные ризы», как в некую капсулу, скафандр или даже, по словам Отцов, «темницу». Она стиснута и стеснена этими «ризами» и принудительно удерживается внутри них до самого смертного рубежа. С другой стороны, душа явно свободнее тела в своих функциональных отправлениях. В частности, время и пространство, сила тяжести и плотность материи для неё, очевидно, во многом условны.

Простой пример: я смотрю на далёкую звезду и воображаю себя на ней. Где я нахожусь в этот момент? Телом, безусловно, здесь, на земле. А мыслью, душой? Может быть, и здесь, а может, и там — на другом конце вселенной.

Эту особенность души, причастной Богу и ТОМУ миру, замечали и отмечали все выдающиеся мыслители прошлого.

«Ты согласен, — говорил Сократ, — что твой ум, живя в твоём теле, управляет им, как хочет: должен согласиться и на то, что Ум, живущий во всём, всё устоит так, как Ему угодно. И твоё око может простирается на много стадий, а око Божие будто не может обнять всё одним взором? И твоя душа может обтекать мыслью и здешние места, и страны Египетские и Сицилийские — неужели же Божья мысль не в силах обнимать всё существующее?».

А воспоминания прошлого или мечты о будущем? Что это, как не отблески истинного, божественного происхождения души, её потенциального могущества, сдерживаемого до поры теми же «кожаными ризами»? Что это, как не проявления её свойств, ограниченных фактом временного обитания в телесных узах? Всё увидим, и всё узнаем, утверждал апостол,.. когда умрём!

Впрочем, кое о чём мы можем догадаться уже теперь, особенно если будем внимательны к себе и окружающему миру. Если физические тела людей, подобно горошинам, рассыпанным по столу, символизируют одиночество каждого из них и разобщённость всей общности (человечества), то изливания индивидуальной души по определению не могут быть ничем и никак изолированы. Каждый из нас ежедневно «производит» некоторое количество духовной энергии. И даже

если это энергия мысли и чувства (энергия «тайных дел человек») никак вроде бы не проявляет себя вовне — в словах и действиях, — даже в этом случае мы, хотим мы того или нет, делаем личный незримый взнос на точные весы добра и зла в масштабах человечества. И тем самым в какой-то мере определяем вектор его развития и конечную его судьбу.

Святые отцы учат, что душа и тело сосуществуют неслитно и нераздельно.

Неслитно — в том смысле, что это всё-таки отличные друг от друга, хотя и связанные между собой сущности; они соединены в одно целое, но только на время земного бытия человека, по истечении которого разлучаются. Впрочем, и разлучаются-то условно: исходя из тела, душа сохраняет (как? — точно не знаем) полную информацию о нём, что позволит Господу после Страшного суда возродить наши тела в точности такими, какими они были на земле, но в ином, «адамовом» естестве.

Нераздельно — ибо в период земной жизни душу и тело невозможно отделить друг от друга, как невозможно отделить кошку от съеденного ею куска мяса.

Человек представляет собой целостное, нерасторжимое (до поры) единство души и тела, его личность определяется состоянием и изменением одновременно и той, и дру-

гой ипостаси, а не какой-то одной из них в отдельности. Соответственно, пренебрежение фактом этой целостности (особенно односторонне — в пользу тела, что сегодня стало обычным явлением) болезненно сказывается на здоровье и преуспевании личности в целом. Казалось бы, тезис этот чисто умозрительный, но как важно помнить о нём и учитывать его в повседневной жизни!

Являясь разновидностью тонкой энергии (энергии тонкой материальности), душа человека активно влияет на внешние по отношению к телу психические поля и объекты, причём радиус этого воздействия, очевидно, весьма велик, а интенсивность — и того больше. Последняя, очевидно, зависит от ряда факторов: характера человека, его положения в обществе, рода занятий, вектора духовного действия — положительного или отрицательного. Индивидуальные души генерируют незримые токи — эти тонкие, невидимые плазмы пересекаются, накладываются одна на другую, вступают в сложные взаимодействия, рождают причудливые узоры — картина, думаю, была бы удивительной, космической, фантастической, если б только... если б только мы могли её воочию видеть.

Впрочем, увы, скорее всего в ней сегодня преобладали бы мрачные тона: даже официальная, склонная приукрашивать действительность

и далёкая от Истины рациональная наука признаёт, что мировосприятие современного человека на две трети негативно — отсюда стрессы, неврозы, алкогольный и наркотический аутизм, тяга к виртуальным формам существования, наконец, суицидальные склонности, ставшие подлинным бичом человечества. И всё это — неизбежная плата за духовную слепоту и невежество.

Тонкая материальность души

Как мы убедились, в природе души человека больше тайного, нежели явного и известного. Постоянно помня об этом, смиряя свою «председательскую железу» и жажду познания, сделаем очередной шаг вперёд к ликвидации нашей всеобщей — досадной и смертельно опасной — духовной неграмотности. Попробуем разобраться в ещё одной (и весьма важной для наших дальнейших изысканий в области духовного) характеристике души — её материальности.

Конечно, речь идёт о материальности иного рода, чем грубая и улавливаемая всеми пятью органами чувств материальность физического тела. С некоторой долей условности её можно назвать тонкой материальностью.

Американцы — великие доки до всякого рода экспериментов и замеров — недавно изловчились и определили... вес души. Путём

мгновенного замораживания и взвешивания тела до и сразу после смерти они установили, что в момент кончины покойник теряет около двадцати граммов своей массы — это, очевидно, и составляет средний вес человеческой души.

Данное исследование не противоречит — напротив, оно только подтверждает основные положения православной антропологии.

Во-первых, смерть наступает не в момент прекращения жизнедеятельности тела (так, сердце сохраняет способность к регенерации — едину сердцу живу быти — в течение сорока дней после физической кончины человека — дольше любого другого органа), а в момент истечения, точнее, изъятия из него души. Вспомним, что Господь говорит размышлявшему о будущем богачу-виноградарю: Безумец, сию же ночь изжену душу твою вон!

Во-вторых, душа как сущность тварная, то есть сотворённая актом Божьего промысла (об этом уже говорилось выше), должна иметь некоторую материальность, ибо истинно нематериален только сам Господь, Который есть Дух. С другой стороны, эта материальность носит, очевидно, иной характер, нежели материальность тела, поскольку душа создана от дыхания Божия, в то время как тело — из земли. Соответственно и пути этих двух частей, неслитно и нераздельно сосуществующих в человеке до его кон-

чины, различаются: тело по принадлежности возвращается туда, откуда пришло, — в землю, душа же воссоединяется со своим первоисточником — незримым и бесплотным духовным миром.

По мнению некоторых православных Отцов, местом пребывания души в период земной жизни человека является кровь. Точно утверждать это нельзя, поскольку существуют и иные, не менее авторитетные мнения — что душа, например, пронизывая всё тело человека, всё же не смешивается с ним, и что кровь это образ души, но не она сама. В подтверждение этого тезиса приводятся слова Откровения о том, что плоть и кровь Царства Божия не наследуют. То есть человек душевный сам по себе ещё имеет сильную «удобопреклонимость (предрасположенность) к греху», он более тяготеет ещё к животному и до поры закрыт для духовных состояний. Такой человек ещё ветхий и страстный, и духовное может даже вызвать у него ярость или безразличие.

В свою очередь, и те, кто считает местом обитания души кровь, возможно, не столь уж далеки от истины. Нахождение души в крови могло бы многое прояснить. Стало бы, в частности, ясно, что душа неразрывно соединяется с телом через разветвлённую систему кровеносных сосудов, в том числе и через многие километры мельчайших капил-

ляров — это обеспечивает ей «доступ» к самым отдалённым уголкам нашей обожаемой плоти. Мы поняли бы, как душа может «убежать в пятки», или что означает выражение «это у него в крови», когда речь заходит о каких-то врождённых чертах, особенностях или талантах того или иного человека. А сколько бесовских магий и ритуалов связано именно с кровью?!

Святые отцы получали от Бога особый дар видеть душу такой, какая она есть, — но видеть не обычным линейным зрением, настроенным на восприятие этого, физического мира, а «зраком души», которому подвластны и невидимые пространства.

Какой же они находили душу?

Они «видели» размытые и, вместе с тем, вполне рельефные контуры человеческого тела. Не светящееся яйцо с нитевидными отростками в точке сбора, как индеец-маг Дон Хуан у Карлоса Кастанеды, а именно мерцающую фигуру человека. И нам уже не надо объяснять, почему. Повторимся: душа ведь условно содержится в крови (не будем придираться к терминам), а кровь пронизывает все без исключения части тела, следовательно, Отцы наблюдали душу как образ «внутреннего человека». Мало того, им были видны все её (души) повреждения и болезни, духовные язвы и гноиники, вызванные разрушительным действием грехов и страстей. При-

веду слова известного Оптинского старца о. Варсонофия, адресованные его духовному сыну: «Нас называют прозорливцами, указывая тем, что мы можем видеть будущее; да, великая благодать даётся старчеству, — это дар рассуждения. Это есть наивеличайший дар, даваемый Богом человеку. У нас кроме физических очей имеются ещё очи духовные, перед которыми открывается душа человеческая, прежде чем человек подумает, прежде чем возникнет у него мысль, мы видим её духовными очами, мы даже видим причину возникновения такой мысли. И от нас не сокрыто ничего. Ты живёшь в Петербурге и думаешь, что я не вижу тебя. Когда я захочу, я увижу всё, что ты делаешь и думаешь. Для нас нет пространства и времени».

Конечно, и здесь больше вопросов, чем ответов. Что именно видят старцы? Что такое душа, и как она может «пребывать в крови», да ещё и имея некую, пусть и малую, массу? Что значит «душа пребывает» — она растворена, плавает, встроена в клетки крови? Вопросы, вопросы, вопросы...

Повторюсь, мы не знаем ответов на все эти вопросы, и не исключено, что никогда не узнаем... Для своего же блага. Всё нам дозволено, но не всё полезно — строго напоминает апостол. Очевидно, например, что знание сущности души вполне может быть закрыто для человека

Богом с тем, чтобы свести к минимуму возможность его, человека, вмешательства в наиболее ответственные и деликатные аспекты её «работы» — как то: в управление вегетативной системой организма или беспристрастную фиксацию его «тайных дел», о чём ещё будет разговор.

Таким образом, душа таинственна и недоступна не только для постороннего праздного наблюдения («чужая душа — потёмки»), но и для (!) произвола самого человека. Это ясно указывает на то, что подлинным господином души является Бог, вдохнувший её в Адама и, следовательно, по благодати во всех его потомков, и в этом смысле она вполне обоснованно может считаться Его эмиссаром в человеке.

Духовные киллеры

«Не должен находиться у тебя... прорицатель, гадатель, ворожея, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мёртвых, ибо мерзок перед Господом всякий, делающий это» (*Втор. 18; 10–12*).

В народе говорят: с кем поведёшься — так тебе и надо! Когда мы обращаемся к различным знахарям, потомственным колдунам «в двадцать пятом поколении», экстрасенсам и прочим магам, каковых в наше неистовое время развелось без счёта, внешне всё выглядит вроде бы пристойно. Подумаешь, «по-

общался» с представителем нетрадиционной медицины!

Но стоит чуть-чуть сменить угол зрения и взглянуть на данную ситуацию с позиций традиционной духовности (глазами «внутреннего человека»), картина совершенно изменится.

Предположим, у человека закололо в боку. «Неужели аппендицит, — холодея, думает он. — Надо бы проверить». Куда идти? Ну, разумеется, в больницу. И не в простую, а в самую что ни на есть лучшую. Да и убедиться, чисты ли полы, опрятны ли медсестры, опытни ли врачи. В такой момент самая обычная поликлиника кажется нам Храмом здоровья, и требования к ней предъявляются наивысшие.

Ну а если закололо не в теле, а в душе? Куда податься? Россия, чай, не Америка, и у нас пока не привилась и, возможно, никогда не привьется традиция за деньги еженедельно «плакаться в жилетку» психоаналитику (по англ. — *shrik*). Зато гадалки и колдуны, на которых просвещённые европейцы тратят больше, чем на научную медицину, распространились у нас повсеместно. Почему?

В какой-то мере, наверное, дают о себе знать наши древние языческие корни и мистический склад русского характера. Но не только. Не всякую беду можно доверить даже близкому другу. А тут «дипломированный колдун» под боком...

Вот и бредёт народ к колдунам и ворожеям, не ведая, что творит.

А творит он следующее. Душа не случайно названа апостолом Павлом «внутренним человеком» (у апостола Петра — «сокровенный сердца человек»). Это тоже тело, только вечное, и природа у него иная, тонкоматериальная. А значит, и другие свойства, функции, потребности, запросы. Другие болезни и способы их лечения. Другие гигиена, питание, защита, развитие... Всё-всё другое. Зная и признавая только плотское тело, и не зная собственной души или имея о ней самое общее и часто неверное представление, мы сами (!) лишаем себя возможности надлежащим образом заботиться о ней.

Однако, как и физическое тело, душа наша, будучи оставлена без должной опеки и ухода, довольно скоро приходит в жалкое состояние. Травмы и болезни накапливаются в ней, силы оставляют её, и... «внутренний человек» превращается в бомжа.

Страдая и мучаясь, душа, естественно, подаёт сигналы SOS: приливы боли, страха, тоски, уныния, ожесточения, зависти, гордыни (обратная сторона уныния) и т.п. Дальше — хуже: стрессы, депрессии, суицидальные порывы. Именно в этот момент, на этой, довольно-таки запущенной, стадии болезни мы и хватаемся за «соломинку» в лице экстрасенса. Внешне так всё и выглядит. Но внутренне — всё иначе.

Ощувив острую боль — не обязательно даже чисто психическую, нередко сложную, смешанную, психосоматическую, — мы за помощью обращаемся... к первому попавшемуся колдуну — «слесарю-сантехнику», и просим его подручным инструментом поковыряться в ране. «О, ужас! — скажете вы. — Не может быть!». Но ведь если задуматься, именно так и есть. Никто ведь нас не неволит идти к гадалке или «народному целителю»! Мы ведь добровольно — не так ли? — раскрываем перед ними свою душу и позволяем (!) там «поковыряться»! Грешен, и я в своё время попался на сию удочку, в чём потом не раз исповедовался.

И всё-таки, где же в этот ответственный момент наш хваленый разум или хотя бы элементарный здравый смысл? Даже лучшие из них — те, что снимаются в столь популярных сегодня «Битвах экстрасенсов» (собирая на зависть шоу-звёздам толпы визжащих поклонников и поклонниц), — даже они, если присмотреться, представляют собой вполне заурядные, если не сказать сомнительные, личности. И это им-то доверяем мы свои нетленные души!!! Впрочем, не им, конечно, а бесплотным тёмным духам, которые из-за кулис дергают верёвочки. Сначала они поработают самих «экстрасенсов», внушая им ложное чувство величия и даже сообщая время от времени досто-

верные сведения, доступные падшим ангелам, а затем уже — через них — внедряются и в наши души. Добра при этом от бесов не жди, ибо, согласно Откровению, они «ищут, кого погубить».

Есть ли подлинные целители? Думаю, есть, но они не рвутся в кадр, не берут деньги за свою помощь, живут по заповедям и веруют во Христа. Их очень немного!

Остаётся всего несколько вопросов:

1. Кто столь изобильно финансирует несколько центральных каналов (один даже назван «мистическим»), пропагандирующих откровенный сатанизм?

2. Почему в демократическом государстве и его «вертикальном» телевидении никто не заботится о том, чтобы прекратить массовое «убийство душ» или хотя бы дать трибуну носителям традиционной духовности для изложения церковной позиции?

Господи помилуй нас, грешных и слепых!

Сердце как центр человека

В Евангелии говорится: «От избытка сердца глаголют уста» (Мф. 12, 34). Но что это такое — «избыток сердца»?

Святые отцы учат, что духовное содержимое сердца не может удерживаться в его пределах, оно всегда как бы просвечивает сквозь человека, льётся из его глаз, слета-

ет с языка, так или иначе присутствует во всех движениях и чертах. В одних лицах наблюдаем умиротворение, доброту, открытость. В других — напряжение, злость, тревогу, суетность. Старцы советуют прислушиваться к себе: если в душе нет покоя, а, напротив, клочут страсти, значит, она больна. В её естестве преобладают тёмные тона и силы.

«В сокровенной внутренней жизни человека, — писал святитель Иоанн (Максимович), — накапливаются энергии, добрые или злые. Добрые столь же не могут жить в одном сердце со злыми, как вода с огнём. Огонь либо уничтожает воду, либо вода заливают огонь. Их борьба есть мучение человеческого сердца. Мучение исчезает лишь при победе злого или доброго, и человек либо успокаивается во зле и самоволии, становится (по-сатанински) «выше добра и зла» (Ницше), либо находит покой Господень — благословенную «субботу» свободы от страстей и похотей. Первое успокоение есть выражение духовной смерти, второе — жизни во Христе».

Однако, спросим мы себя, почему же о. Иоанн, в согласии с другими Святыми отцами, постоянно упоминает о сердце как о центре человеческой личности, почему именно в нём (а не в разуме, например) предлагает искать ответы на важнейшие вопросы нашего бытия?

Всё дело в том, что, согласно христианской антропологии, именно сердце (а не мозг) служит познающим и воспринимающим центром человека, средоточием его душевно-духовных сил и талантов, единственным каналом двустороннего богообщения. В своём фундаментальном богословском труде «Тело, душа, дух» святитель Лука (Войно-Ясенецкий) блестяще обосновал эту, столь непривычную уху современного человека, истину. Он назвал мозг «центральным телеграфом», осуществляющим для сердца всего лишь технический сбор и первичную обработку чувственных сигналов. И не более. В подтверждение своих слов епископ Лука привёл факты из своей богатой хирургической практики периода ВОВ. Для спасения тяжело раненых солдат ему не раз приходилось ампутировать у них значительную часть — до двух третей объёма — головного мозга, тем не менее, последние после выздоровления не только продолжали жить, но и не испытывали серьёзных затруднений с интеллектуальной и практической деятельностью. И ещё интересный факт: слово «мозг» упоминается в Ветхом и Новом Завете всего два раза, причём один раз речь идёт о способе приготовления блюда из мозга барана; сердце же в Библии упоминается более семисот раз.

Данный подход к пониманию природы человека вполне согласуется с пониманием роли крови

как образа и вместилища души. Если душа действительно обитает в крови — хотя термин «обитает» здесь, в известном смысле, условен, — тогда становится понятна и органична исключительная роль сердца, являющегося природным центром всей кровеносной системы. Но дело здесь не только в физиологии. И даже не столько.

С сердцем, по мнению Святых отцов, связаны как основные повреждения, произошедшие с душой «человеков» после грехопадения их прародителей, так и все наши надежды на спасение. Не секрет, что одним из главных «изъянов» ветхого человека Отцы считают расщепление его души на несколько частей и, в частности, «бегство» ума из его естественной обители (сердца) в рассудок (физиологически — мозг). Это привело, с одной стороны, к перегрузке «центрального телеграфа» несвойственными ему и непосильными для него функциями анализа и оценки внешних событий с неизбежными, вследствие этого, ошибками субъективного «умствования»; а с другой — к деградации собственно сердечной функции и усилению влияния на разум человека страстей и прилогов, иницируемых тёмными духами. Фактически вся православная аскетика нацелена на то, чтобы через чистую жизнь по заповедям Христовым, смирение, покаяние, пост и молитву вернуть ум в сердце и,

таким образом, воссоединить душу (разум, чувства и волю) с потоком божественной благодати.

Мы ещё не раз коснёмся этой безграничной и во многом таинственной темы — преобразования человека во Христе. Никому из нас этот «узкий путь» не заказан, хотя отсюда вовсе не следует, что путь этот прост и лёгок. Христианство вообще просто в изложении, но оно невероятно сложно в исполнении.

В заключение ещё несколько слов о таинстве крещения, которое целиком обращено именно к сердцу. Согласно Преданию, до совершения этого таинства «духи злые, наподобие змей, гнездятся во глубине сердца», душа человека полностью поработана сатаной, вторгшимся (через грехопадение Адама) в самые недра человеческие. Пленённый таким образом человек не имеет возможности сопротивляться действию страсти и воздерживаться от греха. Некрещённый не может своими силами начать (а главное — стойко удерживать) борьбу за освобождение от одержимости демонами, так как он лишён активного содействия божественной благодати, без помощи которой дьявол непобедим.

Поэтому в чине оглашения Церковь молится о крещаемом: «Господи... изжени из него всякого лукавого и нечистого духа, сокрытого и гнездящегося в сердце его».

По совершении таинства креще-

ния дьявол изгоняется из сердца, доступ в недра сердечные отныне для него закрыт, и лишь «огненными стрелами» помыслов может он нападать на душу, но «не может, как прежде, гнездиться в сердце». Как писал Николай Сербский, «в крещении мы отрекаемся от дьявола и соединяемся со Христом» и через это получаем право на вход в Царство Небесное.

Что такой «внутренний человек»?

Мы неоднократно обращались к душе как «внутреннему человеку». Пришло время более подробно остановиться на этом вопросе.

Впервые этот термин употребил в своих посланиях апостол Павел. Апостол Пётр применительно к душе использовал иное выражение — «сокровенного сердца человек». Характерно, что и тот, и другой на первый план выдвигали именно «человечность» как важнейшую характеристику души.

Мне представляется, что сегодня объяснять сущность и функции человеческой души нужно именно через святоотеческую категорию «внутреннего человека». И вот почему.

Во-первых, само слово «душа» слишком затаскано, оно лишилось той девственной однозначности, которая была ему присуща лет этак сто тому назад. Во всяком случае, мне не доводилось, выступая перед различными аудиториями, наблю-

дать единому и достаточную осведомлённость в этом вопросе. Разброс мнений всегда невероятно широк: от бытового «ну, это типа...» до заумных рассуждений о высшей психической деятельности homo sapiens.

Во-вторых, разум и память современного высокоинформированного человека (именно информированного, а не образованного — это я отношу и к себе) до предела загружены и засорены всяким «спамом» — сведениями не только бесполезными, но и зачастую вредными. Особенно опасна в этом смысле жёсткая «духовная радиация», незримо излучаемая сотнями религиозных и псевдорелигиозных учений, наводнивших в последние годы нашу страну. В этих условиях ключевым и поворотным моментом — нет, не к вере ещё, но хотя бы к пробуждению защитных сил и инстинктов организма — должно стать понимание двусоставности, двуипостасности природы человека, личной ответственности каждого из нас за ту пищу (а информация это пища для души), которую ежедневно поглощает наш «внутренний человек».

В-третьих, миссионерская практика показывает, что введение в оборот категории «внутреннего человека» и построение православного антропологического «ликбеза» вокруг этой метафизической «фигуры» даёт самые быстрые и самые надёжные результаты.

Как это ни странно, высокообразованный интеллект наших дней (а впрочем, странно ли это?) почти без усилий воспринимает ту мысль, что внутри него — неслитно и нераздельно с телом — существует вторая (а по значению даже первая) суверенная личность. Что эта личность имеет отличную от тела физическую природу и происходит из иного, незримого, духовного мира. Что она дана Богом. Что, в отличие от грубой материальной плоти, она вечная. Что подчиняется своим особым законам — заповедям Христовым, которые надо знать и неукоснительно (как и всякий вообще объективный закон бытия) выполнять, если не желаешь себе зла, ибо незнание закона не освобождает от ответственности за его неисполнение. Что от недостатка внимания и заботы эта личность, этот «внутренний человек», как, впрочем, и человек внешний, может превратиться в бомжу, и мучить и терзать всю жизнь; «внутреннего человека», в отличие от человека внешнего (Боже, конечно упаси!) невозможно убить. Наконец, что именно состояние души является единственным реальным итогом краткой земной жизни, и что только от этого зависит последняя участь человека.

Тогда станут понятны такие феноменальные функции «внутреннего человека», как богопознание и творчество, а равно и такие его болез-

ни, как страсти и грехи. Все болезни века сего — от банальных страхов до сложнейших суицидальных психозов — происходят из этого источника — «внутреннего человека».

В свете должного антропологического знания человек начинает ясно сознавать, что, пожелав, хотя бы и мысленно, хотя бы и мимоходом, кому-то зла, он, может быть, и не задевает того, кому адресован этот укол, зато он задевает себя, наносит глубокую незаживающую рану собственной душе.

Что же получается? Неужели, сегодня большинство людей, в том числе и людей вполне успешных, образованных или, как говорится, самодостаточных, но при этом по тем или иным причинам лишённых подлинных знаний о «внутреннем человеке», фактически являются неполноценными? Увы, на этот вопрос ответим положительно.

«Страшен человек, — писали Святые отцы, — удовлетворённый материально, не имеющий должного духовного устроения».

(Как тут не вспомнить недавнюю бойню, устроенную норвежцем Брейвиком!) Более того, чем выше социальный или интеллектуальный статус человека, тем труднее ему разглядеть и признать в самом себе эту «духовную нищету», эту духовную «инвалидность детства», мешающую суверенной личности обрести богоданную силу и полноту, чтобы воссоединиться с Богом.

Некоторые спрашивают: не вызовет ли это в человеке раздвоения личности. Эти страхи напрасны. Их источник — духи злобы поднебесной, приходящие в неистовство при малейшем намерении ненавистного им человека, любого человека на земле, разорвать незримые сети духовной слепоты. Внимание к себе и видение греха своего (то есть осознание реального состояния «внутреннего человека») и совершение некоторого труда по его исцелению) есть процесс нормальный, хотя и довольно трудный и порой даже мучительный. Это процесс выздоровления, а не умирания — какой же от него может быть вред?

Что означает «внимание к себе» в православной аскетике?

Эта функция «внутреннего человека» — одна из важнейших. Представьте: внутри вас день и ночь бодрствует беспристрастный наблюдатель, фиксирующий все ваши мысли (вплоть до тончайших и не-осознанных), все ваши слова и дела. Этаким индивидуальный самописец или летописец — как кому угодно. Он, то есть душа, в чём-то крепко связан с телом, слитен с ним. Но что касается данной функции, он совершенно автономен и независим.

Что же получается? Получается что душа, как на киноплёнку, записывает все «тайные дела человека», которые открываются или, по словам апостола, «обнажают-

ся» после «внезапного прихода Судии» — сиречь после смерти. Записываются и строго учитываются, заметим, не наши субъективные представления о собственных «делах», не угодливые и часто лукавые оценки их сторонними наблюдателями, а то и только то, что эти дела фактически собой представляют в свете заповедей Христовых. Например, человек совершает некий неблагоприятный поступок. В глубине души он, конечно, знает, что нашкодил — солгал, украл, донёс, обидел (душа-то, ведь она «по природе христианка»). Впрочем, как это часто бывает, первоначальный «приступ совести» скоро проходит, и в дело включается привычка к самолюбованию и самооправданию. Тут же на свет является ложная «версия поступка», которая, возможно, устраивает всех: и самого грешника, и его окружение.

Всех, но только не посланца Бога внутри нас, беспристрастного самописца — души. Этот внутренний контролёр, независимо от наших фантазий и «хотелок», зафиксировывает только то, что имело место на самом деле, и этим «материалом» пополнит перечень тех «тайных дел», которые однажды предстанут перед строгими очами Божии. В 3-й кафисме Псалтири на сей счёт находим такие слова: «На страшном судищи без оглагольников обличаюся, без свидетелей осуждаюся, и дела со-

кровенныя открываются».

Обострённое понимание функции души как свидетеля жизни каждого человека, безотносительно того, знает он об этом или нет, рождает то, что в православной аскетике называется «страхом Божиим» или «вниманием к себе». Жизнь верующего человека — это не безвольное сплавление по мутной реке с «широко закрытыми глазами», а напряжённое, обострённо-чуткое движение воина и охотника по джунглям, наполненным опасностями и неожиданностями. Всяк человек ложь. Бывают ли ошибки и падения? Куда ж без них! Но Святые отцы учат: упал — поднимись, ещё раз упал — снова поднимись. Падения и грехи смываются искренним покаянием и пламенной молитвой к Богу, милосердие которого превосходит любой грех. Однако такое покаяние возможно только в том случае, если прегрешение в полной мере осознаётся, и если человек перед лицом своих «тайных дел» не прячет голову, как страус, в песок, а готов вынести их на свет суда Божия.

Заметим, между прочим, что в свете христианской антропологии все и всяческие «научные» прогнозы относительно нейролингвистического программирования (НЛП), сканирования мыслей и дистанционного управления чужим сознанием выглядят откровенной нелепицей. Народная мудрость гласит: чужая душа — потёмки. Создав че-

ловека по образу и подобию Своему, наделив его царственным достоинством (которое если и пострадало отчасти, то только по вине самих первых людей), Господь надёжно защитил каждую индивидуальную душу не только от вторжения извне, но и, как уже говорилось, от произвола самого человека.

Верующей, то есть соединённой с Богом душе, не в силах повредить ни маги с колдунами, ни заговоры с наветами, ни сглаз, ни самые хитроумные технические устройства. Ибо «самое немудрое у Бога мудрее самого мудрого у человек». Контролировать людей можно лишь в том случае, если они, по собственной воле, перестают быть людьми в строгом, христианском смысле этого слова (то есть людьми Божьими), и превращаются в человекообразную биомассу, в библейских — времён Ноя — «скотов несмысленных», живущих по своим дурным инстинктам и готовых продать себя за кусок хлеба и праздные зрелища.

Душа как орган познания

Кажется, что здесь обсуждать? И так всё ясно. Ум — важнейшая часть души, её «познающий инструмент». Человек жаждет познания, он рождён для него, и познаёт мир непрерывно. Однако, как говорится, есть нюансы...

Один из них касается цели познания. Вне идеи Бога эта цель

становится недостижимой, а сам процесс познания — вполне бессмысленным. Всякий раз, мучительно расширяя границы познанного (объём наличных знаний), мы в то же время раздвигаем и «периметр непознанного». Даже рациональная наука признаёт: этот процесс не имеет конца, и, следовательно, смыслом познания, нравится это нам или нет, оказывается само познание... Чепуха какая-то! Как тут не вспомнить сократовское: «Я точно знаю только то, что ничего не знаю».

Религиозный подход в этом пункте, на первый взгляд, почти не противоречит подходу материалистическому. Бог, будучи существом нетварным и чисто духовным, «неисследим, непостижим и неопишум». Стоит заменить здесь слово «Бог» словом «природа», что вполне уместно («Аз есмь сый», Я есть сущее, — говорит Господь), и мы попадаем вроде бы в тот же самый тупик. В тот, да не совсем. И вот почему.

Со времён Галилея, Кеплера, Декарта и Ньютона, когда взору изумлённого человечества открылись сияющие горизонты «научного прогресса», в душе его (и не одних только учёных) зародилось гаденькое чувство, которое, разрастаясь, отравило и изувечило и сам этот прогресс, и его плоды, именуемые современной цивилизацией. Имя данному чувству — гордыня. Мать всех страстей и по-

роков. Вспомним главные лозунги Френсиса Бэкона: «Победить природу!» и «Знание — сила!». Вспомним его крылатые слова о том, что эксперимент — это попытка (!), с помощью которой человек может вырвать у природы (у Бога?) её тайны, чтобы поставить их себе на службу. Кстати, совершенно независимо от Бэкона — они даже не знали о существовании друг друга — Галилео Галилей сравнивает научный эксперимент с «испанским сапогом» — средневековым изуверским орудием пытки. Не этой ли «логике» мы следуем до сих пор, когда «ради прогресса» и «светлого будущего» калечим и уродуем всё живое вокруг себя?

Однако Бог поругаем не бывает. Сколько бы мы ни тужились, сколько бы ни хорохорились, прогресс без Бога обречён. Более того — такой прогресс смертельно опасен для нас же самих. «Природа, — утверждал Гёте, — будучи вздёрнутой на дыбу эксперимента, никогда не выдаст своих тайн».

Сущность истинного познания — то, о чём вот уже две тысячи лет не устаёт твердить христианство, — совершенно в другом. Не рейдерский захват «от ума», а смиренное, с сознанием своего действительного места во вселенной, молитвенное вымаливание у Господа «доброе и полезное душам нашим» — вот она, эта сущность. Учение о правильном познании органично встроено в общее

святоотеческое учение о человеке и его душе. И речь, заметим, идёт не о познании (препарировании) форм, а о познании сути вещей, их скрытой от глаз духовной подоплёки, кантовской «вещи в себе».

Речь идёт о способностях, которыми от начала времён в полноте и совершенстве владел первородный Адам, нарекавший имена всему сущему на земле, то есть доподлинно видевший всякую тварь в единстве формы и содержания, плоти и души. К сожалению, после грехопадения эти способности в людях постепенно ослабли и исказились, но они не были отобраны как таковые — как не был (в отличие от дьявола) проклят и сам согрешивший человек, как сохранена была за ним способность к богообщению.

Познание «от Бога» кардинально иное, нежели познание «от лжеименного разума». Вот что по этому поводу писал русский православный философ XIX века И.В. Киреевский: «И во всяком случае способ мышления разума верующего будет отличен от разума, ищущего убеждения или опирающегося на убеждение отвлечённое. Особенность эту, кроме твёрдости коренной истины, будут составлять те данные, которые разум получит от святых мыслителей, просвещённых высшим зрением, и то стремление к внутренней цельности, которое не позволяет уму принять истину мёртвую за живую, и, наконец, та крайняя совестливость,

с которой искренняя вера отличается истину вечную и Божественную от той, которая может быть (добыта) мнением человека, или народа, или времени».

Итак, подлинное знание обретается, а не приобретается. Для него душа должна быть чистой и здоровой, ибо сказано: Не бывать Духу Моему в грязной душе и теле, порабощённом греху. Знание, таким образом (здесь мы имеем в виду, конечно, качественно новое знание, а не бытовые навыки), предстаёт как некое озарение, откровение, произволение Свыше. Так оно и есть! Заставьте компьютер — а рассудок наш, в сущности, и есть компьютер — изобрести нечто, чего в нём никогда не было. Нечто совершенно оригинальное. Он просто не среагирует. Он даже не поймёт, чего от него хотят. А если и поймёт, немедленно зависнет...

Все великие учёные отмечают: в моменты творческого открытия, прорыва, озарения их мозг либо отдышал, либо был занят какими-то отвлечёнными делами. Это ли не ясное указание на истинный и единственный Источник всех открытий? Синергия человеческого разума и Божьей помощи — вот ответ на вопрос о сущности познания. А заодно, и о его целях и пределах. Через процесс познания Господь открывает своему любимому чаду правду о Себе, позволяя познать Себя, природу, вселенную, бытие. Но делает Он это

так, чтобы не повредить человеку, познавательные способности которого, увы, неограниченны.

Душа как компас на «узком пути», «Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их...» (Мф. 7, 14–16).

Понятие узкого пути и соответствующего ему мировосприятия занимает центральное место в православном домостроительстве личности. Ведь, если задуматься, вся наша краткая и, по большей части, суетно-скорбная жизнь на земле представляет собой лишь блуждание в «ночи настоящего бытия», единственной целью которой является обретение жизни вечной. Это истина, потому-то Господь и говорит, обращаясь ко всем нам, человекам: «Аз есмь путь и истина и жизнь».

Однако узкий путь — это не некая данность, автоматически вручаемая каждому смертному. Помимо него Евангелие упоминает о другом, «пространном пути», «ведущем в смерть», по которому «многие идут».

Душа человеческая — «по природе христианка» (Тертуллиан). Потаённо, в самых сокровенных глубинах своего естества она точно знает правду и о себе, и об узком пути, и о Боге. Достигая здравия и силы, она (наш «внутренний человек») воспринимает это знание как раскрытый цветок, и любит его, дивясь премудрости Божией; если же душа больна (бомж внутри

меня), если ею управляют духовная беспризорность и нищета, знание сие остаётся втуне, что приводит к постоянному глухому недовольству собой, ожесточению и страху. Страху от того, что призыв Господа («Се стою пред дверями и стучу...») остаётся без ответа, а узкий путь — закрытым и недоступным. В этом случае душа болезненно, хотя часто и неосознанно, переживает гибельное скольжение вниз — по пространному пути, влекущему её против воли в вечную смерть.

Как же найти, как нащупать свой узкий путь спасения? Прежде всего, надо всеми фибрами захотеть этого, надо молить об этом Бога, и тогда Он через своего эмиссара — душу человеческую — установит просящего на узкий путь. «Грядущего ко Мне не изжену вон» — ободряет он грешника, то есть нас с вами, подтверждая этими Своими словами, что нет греха, превышающего милосердие Божие. С другой стороны, Им ясно обозначается необходимость синергии — то есть, с одной стороны, волевого самоопределения человека в его стремлении к Богу, с другой — безусловной готовности Творца принять к Себе каждого раскаявшегося «грядущего», как бы низко тот ни пал.

Конечно, и сам выход на узкий путь, и движение по нему — не лёгкая прогулка. Многими скорбями подбавляет внити в Царство Небесное —

предупреждает на этот счёт Евангелие. Скорбями, заметим, а не удовольствиями и развлечениями. Чтобы очутиться на этом пути, «внутренний человек» должен радикально измениться, буквально восстать из мёртвых, сбросить с себя ветошь дурных привычек, страстей и предубеждений. А это — сложнее и болезненнее любого внешнего делания...

Следует нам понимать и помнить о том, что узкий путь — тернист и извилист. И у каждого он свой. Все мы разные — вот и узкие пути наши не совпадают. Только пространный путь греха, по сути, один на всех. Как же не сбиться со своего узкого пути? Святые отцы подсказывают: для этого необходимо поддерживать тонкую настройку души — трезвение, смирение, внимание к себе, а главное — непрерывное молитвенное пребывание с Богом и в Боге. Он знает путь каждого человека, ибо Он и есть этот путь. Богу, в отличие от нас, открыто будущее, посему, если мы претендуем на здравость ума, для нас нет, и не может быть иного разумного решения, кроме как вверить Ему и Его попечению свои души и судьбы.

Далее: узкий путь пролегает через безбрежные топи пути пространного. Секундное замешательство, потеря молитвенной сосредоточенности (обрыв связи с Господом), и... твёрдая почва может уйти из-под ног. Своя тропинка будет потеряна. В такие моменты божественная благо-

дать отходит от нас, и в душе тут же начинают пульсировать беспокойство и страх, ожесточение и уныние, словом, жгучее действие гибельных страстей, для которых нет или почти нет места в душе, пока она удерживается на узком пути. Следовательно, именно душа, а через неё — Бог, ведёт нас по дороге жизни, именно она, повинувшись небу, как компас указывает нам направление, предостерегает от опасностей и сигнализирует о нарушениях курса.

На узком пути человеку всё во благо, всё в радость. Об этот прямо говорит Иисус Христос: «Иго Моё благо и бремя Моё легко». И мы чувствуем, что это так и есть. Встречи и события, решения и намерения будто бы сами собой (на самом же деле, промыслом Божиим) выстраиваются в разумную и благую последовательность, оптимальным образом чередуются и синхронизируются. Святые отцы подмечали, что, находясь на узком пути, человек, по сути, и не идёт, а словно бы летит по жизни, поддерживаемый незримой Силой, и ему остаётся разве что ногами перебирать.

Падения и ушибы? Случаются, а как же. Случаются, когда мы начинаем «думать за Бога» и нарушать заповеди Его, проща говоря, сбиваемся с узкого пути и вязнем в трясине пути пространного. Тогда надо нам, по Отцам, обратно вставать на узкий путь и идти даль-

ше. Упал — встань, снова упал — снова вставай! И так до бесконечности.

Препятствия и помехи? И они будут. Надо лишь правильно и смиренно понимать их смысл: это либо знаки-предупреждения, свидетельствующие об утрате нами узкого пути, либо целительные прикосновения Господа к заблудшей душе усталого путника.

О мире незримом

Осознание реальности мира незримого столь же важно для полноты православного мировосприятия и здоровья «внутреннего человека», как и понятие вечности. Почему?

Во-первых, в жизни каждого из нас одновременно и независимо от наших представлений действуют законы как «этого» — земного, материального, так и «того» — потустороннего, духовного мира. Впрочем, подобное разделение условно. Бог не сотворил двух миров. Мир, созданный Им, един и неделим. Просто у нас, человек, биологическое зрение более или менее работает, а внутреннее, духовное — изрядно замутнено. Почему? Болен, слаб и слеп, как мы уже установили, наш «внутренний человек», наша душа, призванная активно соединять внутри нас оба мира, оба состава существа. Когда апостол Павел говорит, что «мы видим мир гадательно, как бы сквозь мутное стекло», он, конечно, имеет в виду именно этот изъ-

ян, эту нашу неспособность различать скрытую от глаз, духовную сущность вещей и явлений, кантовскую «вещь в себе». Ну, а под словом «мир» апостол понимает, естественно, не плоский мир форм, а всю полноту сущего в единстве его зримой и незримой частей.

Во-вторых, как уже отмечалось, незнание закона не освобождает от ответственности за его неисполнение. Между тем, в «том» мире — а, точнее, в этом же, но за гранью обычного восприятия, — действуют строжайшие законы мироздания, столь же неумолимые, сколь и всем нам известный закон всемирного тяготения или третий закон Ньютона. И если я по какой-то причине не знаю, что желая (хотя бы и мысленно) зла другому человеку, я наношу тяжелейшую рану не ему, а, в первую очередь, собственной душе, если я не готов признать, что оскорбление ближнего словом или делом обязательно (!) аукнется мне бумерангом боли и страданий в некоей точке будущего, что ж делать? Никто, кроме меня, не виноват в этом незнании или легкомыслии. Но закон-то есть закон, и он обязательно сработает...

В-третьих, для нашего трезвения и правильного духовного развития (без чего нам невозможно одолеть врождённую духовную инвалидность и ущербность) не просто полезно, но остро необходимо держать в уме тот факт, что незри-

мый мир обитаем. И населяют его незримые же существа, лишь часть которых — ангелы — служат Богу и благу человека. Другая же часть этих существ — демоны — ищут, «кого погубить». Обладая ангельской природой и способностями, эти падшие духи не могут простить (и никогда не простят!) человеку того, что, будучи сотворён Господом позже их сотворения, он, человек, по Божьей воле оказался поставлен иерархически выше их. Господь, как сказано в Писании, сотворил сначала «умное небо», то есть, прежде всего, ангелов. Но часть из них, соблазнённая первоангелом Денницей (Сатанилом или Сатаной), не смогла смириться с тем, что, во-первых, человек был создан по образу и подобию Божию, и Бог сравнил его с Собой, уподобил Себе; во-вторых, что Адам был наделён способностью всякой твари нарекать имя, выражающее её скрытую сущность, следовательно, нарекать имена и ангелам — существам, хотя и тварным, но по закону сотворения — старшим. Вот они и возмутились, восстали на Бога, пали... и были прокляты.

Ангелы — служебные духи, но элементы свободной воли у них есть. О них много упоминаний в трудах Святых отцов. Серафим Саровский считал, например, что для человека достаточно одного собеседника — ангела-хранителя. Почему? «Для вас, неочищенных, — замечал он Мотовилову, — это пока непонятно».

Итак, пока человек живёт неосознанно, в грехе, и сам катится к гибели, никто в незримом мире, кроме Бога и ангела-хранителя, ему в этом не мешает. Да и Бог, соблюдая собственный обет о даровании человеку свободы выбора, может лишь звать, привлекать его к Себе, вызывая к его разуму и совести.

Другое дело — бесы или демоны. Являясь, по сути, миродержителем (иначе, как он мог бы, не будучи таковым, на исходе сорокадневного поста Спасителя в пустыне предлагать Ему все царства на земле?), Сатана через воинство своё активно и изощрённо искушает всякую душу, толкает её в пропасть вечной смерти. Стоит только неверу чуть-чуть подать признаки духовного пробуждения, как бесы берутся за него всерьёз, стараясь либо пресечь этот процесс в корне (спал себе, и спи!), либо направить его в какое-нибудь ложное русло — лишь бы тот не стал на «узкий путь».

Наличие незримого, но при этом жёсткого и разнообразного сопротивления второму, духовному рождению во Христе явно ощущает на себе каждый православный человек. Исповедался, причастился, сделал доброе дело — жди искушений! Стоишь в храме — откуда только берётся столько «неуместных» мыслей! Собрался помолиться — такая вдруг тяжесть, откуда ни возмись, столько отговорок и самооправданий лезет в голову!

Да, духовный труд — это всегда подвиг — хоть малый, хоть большой. Подвиг преодоления себя, своей повреждённой и рассеянной природы. Но, вместе с тем, и подвиг ежесекундного противостояния проискам духов злобы поднебесной. Падшие ангелы не имеют абсолютной силы над человеком, а лишь в той мере, в какой позволяет им Бог. В качестве примера можно обратиться к тому, как Сатана искушал Иову (Ветхий Завет). При всём своём падении Сатана всё же оставался по происхождению ангелом, и не мог искушать и истязать Иову благоверного больше, чем позволил ему Господь.

Ощущение глубины и полноты мира Божия в единстве зримой и незримой его частей вкупе с памятованием о смерти, преодолением иллюзий, терпением («... претерпевый до конца, той спасён будет»), любовью к ближнему, хождением пред Богом, молитвой и многими другими спасительными актами веры — вот что единственно сообщает нашей жизни смысл и радость бытия!

Внимание к себе. Прилоги

Теперь, когда мы узнали о существовании души — «внутреннего человека», познакомились с его природой, свойствами, функциями и общим самочувствием, самое время разбавить эти теоретические изыскания выработкой некоторых практических навыков ухода за душой.

Попытаемся сделать первые шаги на пути излечению своего «внутреннего человека»: мы уже убедились, что он в этом остро нуждается.

Но прежде, чем приступить к собственно упражнениям, сделаем несколько глубоких зарубок на память. Без них все наши дальнейшие аскетические упражнения могут оказаться тщетными.

Первое — «Бог спасает нас не без нас» — учат Святые отцы. Мы должны твёрдо усвоить, что только личное и только горячее стремление исцелить свою душу (а не упование на помощь «третьих лиц» — будь то психотерапевт, друг или близкий родственник) даст нам положительный результат.

Второе — реальное лечение души производит только Господь — её создатель и промыслитель. Волевым молитвенным призывом к Богу и духовными трудами мы лишь помогаем, ассистируем Ему, но, оказывается, именно такая синергия является определяющим условием успеха.

Третье — приступая к лечению, надо понимать, что этот и без того сложный, порой мучительный процесс (шутка ли — вернуть божью, годами живущему внутри тебя, человеческий облик!) постоянно будет наталкиваться на сопротивление. Откуда? Во-первых, от собственной ветхой природы, которой, ох, как не хочется переворачиваться с головы на ноги; во-вторых, от духов злобы поднебесной, «ищущих, кого погубить».

Цикл занятий, посвящённых выработке навыков внимания к себе, начнём с рассудка. Простой вроде бы вопрос: что такое незваные или непрошенные мысли? Откуда они берутся, если их никто (в частности, конкретно я) не вызывал? Чепуха какая-то! Говорят, что они являются из подсознания. Но разве моё подсознание мне не принадлежит? Или оно мне враг, коли посылает в мою голову мысли скверные, вредные и даже опасные? Пример: как часто перед самым сном в нашу усталую голову врывается та или другая шальная мысль, провоцирующая целый водоворот страхов и переживаний. Сна — как и не бывало. Проходят долгие мучительные часы бесплодных раздумий и терзаний, прежде чем донельзя измученный человек погружается, наконец, в спасительный сон.

В Православии эти мысли-провокаторы называются прилогами. Они приходят словно бы из ниоткуда и, овладевая сознанием, могут не только отрывать от сна — это ещё цветочки, — но и инициировать слова и поступки, о которых нам потом приходится горько жалеть. Поэтому такие мысли именуются ещё греховными.

С чего же нам начать борьбу с ними? Мысль, как и душа, имеет тонкоматериальную природу (поэтому и считается — вполне, заметим, справедливо, — что мысль материальна). Шальная мысль имеет

некоторую собственную энергию, но та слишком мала, чтобы эта мысль могла долго существовать без «подпитки». В свою очередь, все мысли подобного рода действительно являются внешними по отношению к душе; они формируются под действием бесплотных сил — демонов, которые досконально знают природу человека (ещё бы — жить тысячи лет!) и могут тонко воздействовать на его психику через нервную систему или мыслительный аппарат. Поэтому-то, явившись извне, незваная мысль изо всех сил стремится вторгнуться в нашу душу, чтобы присоединиться к более мощному, чем она сама, источнику энергии.

Важно ещё иметь в виду, что в нашей душе уже, как правило, накоплены мысли, сходные с этой, шальной по природе — я имею в виду ранее пропущенные в сознание или выработанные самой душой греховные и негативные помыслы. К ним-то и рвётся наш агрессор, их-то и возбуждает, приводя в хаотическое движение и вызывая в голове неуправляемый и неудержимый хоровод.

На первых порах тем, кто ещё не имеет молитвенного опыта, чтобы уберечься от этой напасти, можно порекомендовать следующее. Попробуйте сосредоточиться и внимательно понаблюдать за собой. Как правило, все мысли-провокаторы повторяются из раза в раз. Больше того, вы их уже знаете напере-

чёт, только не придаёте им должного значения. Когда в очередной раз эта мысль появится на горизонте сознания, постарайтесь заприметить её на «дальних подступах» и просто следите за ней, наблюдайте её, не стараясь отогнать, опротестовать или победить. Почему? Главное — не вступать с нею в мысленное соприкосновение, чего она только и добивается. Лёгкий контакт, и она слилась с душой. Наблюдением (к примеру, я говорю себе «вот опять появилась эта мысль о скором приезде тёщи» — у вас, конечно, могут быть другие основания для тревоги и другие мысли-провокаторы) мы создаём некую дистанцию между своим «я» и незваной мыслью. Дистанция означает отсутствие контакта: пока я вижу объект, я им не являюсь, не так ли? Три-пять минут такого созерцания, и вы с удивлением обнаружите, что назойливая муха-мысль словно бы растворилась в воздухе. Ничего странного — просто иссяк её энергетический заряд.

Со временем навык наблюдения закрепится, и вы почувствуете, как вокруг вашего сознания сооружается незримая стена, надёжно отражающая эти простенькие прилоги. Это похоже на атмосферу, надёжно укрывающую землю от мелких метеоритов. Умение наблюдать за собой или внимание к себе Святые отцы называют важнейшим качеством православного человека. Разумеется, это

только первый, я бы сказал, технический шаг. Всех прилогов — а их тысячи, и среди них есть гораздо менее примитивные, чем те, о которых мы только что говорили, — таким способом не одолеть. Но и в спорте мы ведь начинаем с простых упражнений, постепенно переходя к более сложным. И так до тех пор, пока, спустя годы тренировок, не скажем себе «как всё просто!». Православная аскетика — это, по сути, те же упражнения («аскеза» с греческого языка и означают упражнение), только не для внешнего, а для «внутреннего человека». Без этого он не сможет преодолеть немощь и стать сильным и здоровым.

Ещё несколько слов о прилогах

Умение наблюдать за мыслями вещь, конечно, полезная. Даже незаменимая. Это качество, именуемое в православной аскетике трезвением, может и должно совершенствоваться в нас всю жизнь, чтобы осознанность и бдительность стали нашей второй природой, зрение «внутреннего человека» (души) очищалось и обострялось, и суть духовной брони (которая, по словам апостола Павла, идёт «не против крови и плоти, но против духов злобы поднебесной») не ускользала от сознания.

Незримый враг кровно заинтересован в обратном. Св. Диадокх Фотикийский писал: «Бесы же отнюдь не хотят, чтобы люди как-

нибудь удостоверились в этом (их подрывной работе. — *А.Н.*)», дабы ум наш, «верно зная это, не вооружался против них непрестанной памятью о Боге». Сложность духовного делания в том и состоит, что прилоги — греховные мысли и побуждения — наивно принимаются нами за нечто своё, собственное... «помыслы, всеваемые в душу демонами, кажутся исходящими из сердца». В какой-то мере, это даже естественно. Согласитесь, если человек в принципе ничего не знает о незримом мире, Боге, бесах, двусоставной природе человека, его посмертной участи и т.п., говорить с ним о прилогах как «огненных стрелах дьявола» бесполезно: он только ухмыльнётся, а то ещё и пальцем у виска покрутит. Потому-то невежество — первый союзник падших духов. Потому и вся современная информационная среда настроена так, чтобы а) замуровать духовное знание, отсечь его от воспитания и образования; б) захлать сознание людей всякого рода информационным «спамом»; в) подменить святоотеческую науку о душе и духовной брони различными, бесами же изготовленными суррогатами вроде магии, НЛЮ, полтергейста, экстрасенсорики и иже с ними. Главный успех Сатаны в сегодняшнем мире заключается в том, что он сумел убедить этот мир в собственном небытии или безобидности.

Причина всех мысленных нападений (прилогов) всегда одна и та же — нечистота сердечная. Наподобие горящей стрелы пагубная мысль поджигает мусор ранее накопившихся в сердце страстей и пороков. «Бесы, — писал Максим Исповедник, — ведут с нами брань либо через вещи, либо через страстные мысли, относящиеся к этим вещам. Через вещи они ведут брань с тем, кто погружён в мир вещей, а через мысли — с тем, кто удалился от вещей». Будучи сами искушёнными духовными воинами, Святые отцы из глубины веков взывают к нам: с утра поставь стражника (ум) у храма сердца своего и весь день отражай огненные стрелы врага.

Для верующего человека средство обороны от прилога очевидно. Апостол Павел охарактеризовал его так: «Возьмите щит веры, которым сможете угасить все раскалённые стрелы лукавого... и меч духовный, который есть Слово Божие» (*Еф. 6, 16–17*). Род сей, учит Писание, имея в виду демонов, побеждается постом и молитвой.

А как быть начинающему? Вернёмся к наблюдению. Если у вас получается отслеживать прилог на дальних подступах и «гасить» его отстранённым наблюдением, попробуем сделать ещё один шаг вперёд.

Итак, мы уже умеем отгонять внешнего агрессора. Но ведь есть ещё и внутренние — те, что смогли

проникнуть в наше сознание прежде и укорениться там. Они тоже производят ментальный «хоровод». Как быть с ними?

То, что в нашем рассудке много грязи и хаоса, для нас уже не секрет. Но порядок-то наводить всё равно надо. Не оставлять же всё на самоотёк? Слишком накладно для здоровья, особенно если учитывать, «что все болезни от нервов».

Задайте себе вопрос — какой будет моя следующая мысль? Делать это лучше, разумеется, в спокойной обстановке — не в метро и не на людной площади (не стоит забывать, что мы ещё только начинающие аскеты). Задав вопрос, начните внимательно — как кошка, которая стережёт у норки мышку, — сканировать пространство своей души в ожидании этой самой «следующей мысли». Не удивляйтесь, если она скоро не явится. Всё правильно. Так и должно быть. Какое-то время в головерассудке будет пусто. И... тихо. Лишь через минуту–другую в сознание буквально вкрадётся «следующая» робкая мысль, да и то это скорее всего станет следствием какого-нибудь внешнего раздражителя или вашей же неспособности держать «кошачье» внимание.

Что это было? А вот что. Рассудок — да, да, не удивляйтесь, ваш собственный рассудок — впервые (!) оказался под лучом света вашего же адресного к нему внимания. В кои-то веки вы поинте-

ресовались, что в нём происходит. И, как нашкодивший щенок, а лучше сказать, как застуканный на месте преступления слуга, он застыл в оцепенении. Бесконтрольный поток мыслей-прилогов, который он привык производить на своей «фабрике грёз», разом остановился. Возникли пауза и тишина. Тишина ума. Именно её вы только что пережили.

Запомним этот прекрасный момент и связанные с ним ощущения. Они, не скрою, приятны. В этот момент рассудок не просто останавливается — он отдыхает! Отдыхает и душа — «внутренний человек», частью которого является тот же рассудок. Но и это не всё. Останавливается хоровод шальных мыслей, денно и ночью терзающих наше сознание, нашего забытого и заброшенного «внутреннего человека».

Немного забегаая вперёд, отметим: эта искусственная и непродолжительная остановка рассудка важна не столько сама по себе, сколько как указатель на то, что безостановочная и, по большей части, нерегулируемая (а потому вредная) деятельность «слуги-рассудка» может быть остановлена личным волевым усилием. Мало того, в идеале рассудок должен включаться и выключаться по мере необходимости, что является (надеюсь, теперь это уже не вызывает сомнений) существенным условием общего здоровья души.

Ум и рассудок

Рассуждая о природе непрощенных мыслей и способах борьбы с ними, мы несколько раз априори утверждали за рассудком некоторую самостоятельность и самостоятельность. Но тогда мы не успели ответить на законные вопросы: самостоятельность, от кого? — самостоятельность в чём? Христианская антропология усилиями Святых отцов чётко и развёрнуто раскрывает суть этой антиномии: для этой цели ею вводятся в оборот категории «ума» и «рассудка» (хотя, признаемся, в бытовом сознании это одно и то же). Что ж, попробуем разобраться в этой теме, ведь речь идёт о весьма важном «кирпичике» в фундаменте нашего душевно-духовного домостроительства.

История размежевания и конфликта ума и рассудка восходит к грехопадению Адама и Евы. Нарушив единственную на тот момент заповедь Божию — не вкушать плодов с древа добра и зла — и уклонившись от немедленного покаяния пред Богом, соблазнённые сатаной наши прародители отступили от единственного для них Источника жизни и сами, по своей дурной воле (а не по злему умыслу Творца, как ошибочно полагают некоторые граждане) нанесли глубокий и непоправимый вред собственным душам. Одним из конкретных проявлений этого несчастья, оставив-

шего неизгладимую печать на судьбах всего рода человеческого, стало то, что ангельский ум человека, изначально обитавший в сердце его, покинул свою обитель.

В православной аскетике чётко присутствует крайне непривычная для «цивилизованного уха» мысль: ум и рассудок есть два различных, если не противоположных, начала в человеке. В трёхтомнике «Молитва Иисусова. Опыт двух тысячелетий» на этот счёт читаем следующее: «Исконная миссия ума или разума — находиться в непосредственном молитвенном общении с Богом, с его (ума. — *А.Н.*) помощью человек призван обретать опыт богопознания, постигать невидимое... Изначально место "обитания" ума отнюдь не голова, но сердце. Напротив, рассудок — это орудие, посредством которого мы осознаём окружающий материальный мир, входим с ним в соприкосновение, с его же помощью, когда есть необходимость, излагаем... результаты этого опыта. Предназначение рассудка — заниматься земными попечениями, оперировать понятиями чувственного трёхмерного мира. Его способность познавать тварное — видимое, осязаемое, конечное — осознаётся нами как функция интеллекта, а «территориально» его деятельность привязана к области головного мозга. В работе рассудка задействуются прежде всего наши низшие познавательные

способности, такие как воображение и память. При их посредстве через наблюдение, чтение, слушание рассудок собирает для себя материал — "здешние наземные познания"... Рассудок и его телесный орган — головной мозг — это всего лишь инструмент познания, но не орган постижения».

Таким образом, разграничивая ум и рассудок, Святые отцы отчётливо различают «деяние» и «созерцание» — деятельную силу рассудка и созерцательную силу ума. «В разумном существе, — отмечал Иоанн Дамаскин, — одна способность созерцательная, а другая деятельная», притом «деятельная рассматривает и определяет надлежащую цену того, что должна делать», в то время как «созерцательная постигает, какова вещь».

В результате грехопадения ум человека отделился от сердца и соединился с рассудком. Как следствие, весь он прилепился к земному и тленному. Можно сказать, что ум «опростился», потеряв свою природную способность непрерывного молитвенного пребывания с Богом и в Боге, а вместе с тем и получаемую свыше способность к созерцанию и видению «вещи в себе».

Человеческая цивилизация постепенно свыклась, примирилась с этой духовной трагедией — отождествлением ума и рассудка и утратой высшей способности *homo sapiens* как «образа и подобия Божия» —

дара созерцания. Мало того, мы возвели разум-рассудок в ранг идола, которому отныне и поклоняемся. Мы искренне считаем, что с помощью одного только своего разума способны раскрыть все тайны мироздания, «стать как боги» (узнаем ли мы в этих призывах искусительные нашептывания змия Адаму и Еве?).

Правильное, данное самим Богом понимание строения человеческой души и происшедших с нею отрицательных превращений хранит лишь святое Православие — ни рациональная наука (от слова «рацио» — разум, рассудок), ни увядшие ветви некогда единого католического христианства — католицизм и протестантизм — такого острого и болезненного понимания этого вопроса не имеют.

В свете сказанного по-иному воспринимается и сакральная сущность «умного духовного делания», азы которого мы пытаемся освоить. Она состоит в том, чтобы постепенно, через аскетические упражнения, исполнение заповедей Божьих (понимаемых как вселенские законы жизни и здоровья души), церковные таинства уврачевать раскол ума и сердца. Ум должен расторгнуть свою незаконную связь с «центральным телеграфом» (так иронично величал рассудок святитель Лука (Войно-Ясенецкий) и воссоединиться с сердцем как подлинным центром души и всей двусоставной сущности че-

ловека. Тогда только возродится расстроенное грехопадением единство между душой — умом — и сердцем. Исцелённая таким образом душа соединяется с Богом-Троицей, заводит всякий вход для страстей и станет, по словам св. Григория Паломы, выше плоти, мира и миродержителя.

Это и будет, согласно Святым отцам, первый шаг на пути к единению человека с Богом.

О смирении

Смирение — один из важнейших постулатов христианства. Ось, на которой держится жизнь верующего человека. Однако, возможно, именно по этой причине в наш льстивый, лукавый и суетный век обычному человеку так трудно не то, чтобы принять сердцем, — даже хотя бы элементарно осознать смысл и целительно-спасительное значение этого понятия. В блужданиях духовно беспризорного часто именно смирение становится первым и, увы, непреодолимым препятствием на пути к Христу. Почему так? И что сделать, чтобы всё-таки одолеть этот заслон?

Прежде всего, следует иметь в виду: слово «смирение», как, впрочем, и сотни других хороших и значительных русских слов, за последние сто лет глубоко исказилось и повредились. Не само по себе, конечно. Слова остались прежними. Изменились мы сами. Управляемая духом гордыни и алчности «мель-

ница нигилизма» с помощью предательских информационных сетей извратила подлинное звучание древних слов и понятий. В частности, как-то незаметно из слова смирение ушло главное и корневое — мир, покой душевный, любовь к ближнему и сущему, любовь к Богу. Современное ухо в этом слове слышит нечто прямо противоположное — унижение и уничижение себя, подчинение, угождение. Смирение подменено низменным и унылым смиренничеством.

Но Господь ведь не зря призывает всех нас научиться от Него, как Он кроток и смирен, и обрести покой душам нашим. Смирение — и тут мы переходим с бытового, душевно-психологического на более высокий, духовно-нравственный уровень понимания — есть главнейшее условие обретения человеком божественной благодати. А без последней немислимо никакое излечение «внутреннего человека», никакое реальное изменение себя и своей жизни. Проще говоря, без смирения Бог не войдёт в душу человека, хотя бы тот и призывал его часовой молитвой.

Почему? Да потому, что смирение есть антипод гордыни, эти состояния вместе не уживаются. Либо то, либо другое. Говоря про Себя: «Я кроток и смирен», Господь раскрывает Свою сущность, и становится предельно ясно, отчего пал сатана и чем он сумел увлечь

в грех и падение первых людей. Гордыней — «будете, как боги». Но чистое не может соединиться с нечистым, не теряя своей чистоты. Так и светлое с тёмным, святое с греховным, смиренное с гордым. Следовательно, если мы хотим стать Божьими, надо уподобиться Ему и... обрести смирение, которое, таким образом, становится не только условием богопознания и богообщения, но и, если угодно, индикатором здоровья души: очищаясь от гордыни, та освобождается от многих страстей, матерью которых, по словам Отцов, гордыня и является.

Нередко нам, новоначальным, трудно понять, что благодать и дары Духа Святаго подаются не за добродетели и даже не за труды по их обретению, а за возникающее вследствие этого смирение.

Но как воспитать, взрастить в себе это качество, оставаясь в падшем миру, который его не только не приемлет, но и высмеивает. Будучи духовно беспризорным со стажем, могу порекомендовать коллегам по несчастью несколько нехитрых приёмов. Первое — надо научиться уважать людей. Всех без различия. Логика здесь проста: каждый из нас несёт в себе образ Божий. Все мы братья и сёстры по факту рождения земного и небесного (и в молитве, кстати, говорим «Отче наш», а не «Отче мой»). В каждом присутствуют некие таланты и способности, которых нет

у других, — одно это должно смирать «председательскую железу» и располагать к ближнему. Каждый обладает бесценной и уникальной душой, в чём-то схожей, а в чём-то бесконечно отличной от душ других людей. Разве этого мало для взаимного уважения?! Если же всё перечисленное постоянно держать в уме и через эту призму смотреть на мир и людей, независимо от их ниже- или вышестоящего положения относительно себя, любимого (тем более, что статус человека — понятие весьма изменчивое), очень скоро можно будет почувствовать некоторое усиление в себе любви к ближнему. И, напротив, появится известное сомнение в себе, в своих достоинствах: а так ли я хорош на самом деле? Это укорение себя, ирония к себе, взгляд на себя со стороны — есть первый и важнейший шаг к подлинному смирению. Ибо видение своего греха, как говорили Святые отцы, есть первый признак начинающегося выздоровления души.

Далее полезно осознать, что все мы — клетки единого Тела Христова. Физически мы разобщены, но духовно... «Я клетка, не больше и не меньше» — часто повторяю я себе, и при этом не испытываю ни малейшего самоуничижения. Только удивление и почтение к премудрости Божьей. В самом деле, какими бы великими и успешными мы порой себе ни казались, с высоты всего нескольких сот метров отдельный

человек выглядит букашкой — чего уж говорить о масштабах вселенной? Но, с другой стороны, Откровением нам дано знать, что человек — не просто клетка, а очень даже важная клетка, драгоценная часть мироздания («Какая польза человеку, если он весь мир приобретёт, а душе своей повредит?»). Свыше всем нам, людям, даровано то — разум, свобода выбора, язык, воображение, способность познания себя, мира и Бога, — чем не может похвастать практически никакая другая тварь в подлунном мире. Иерархически человек потенциально способен стать другом Божиим.

Православие объясняет, что через смирение мы соединяемся с Предвечной Любовью и Предвечным Разумом, и только так, только через эту синергию мы можем достичь тех высот, к которым призваны. Наш собственный разум слишком узок и слаб, чтобы работать автономно, в отрыве от разума Творца, — потому-то такими неуклюжими и такими опасными выглядят все наши потуги самостоятельно улучшить мир.

Итак, первые шаги по выработке в себе смирения выглядят так:

- 1) уважение к людям;
- 2) трезвое отношение к себе — лучше всего с осознанием того, что «во мне греха, аки песка морского»;
- 3) чёткое, буквальное понимание слов Господа: «без Меня не можете творить ничего»;

4) восприятие смирения как бесценного лекарства для своей больной и измученной души, как дверь в Царство Небесное (помните слова апостола: гордым Бог противится, а смиренным даёт благодать?);

5) отношение к Церкви Христовой как к самим Господом установленной лечебнице для страстных душ, и решительный отказ от глупых попыток: «отморозить уши на зло бабушке».

Как обуздать рассудок?

Доводилось ли вам встречать человека, бредущего по улице, размахивающего руками и говорящего сам с собой? Куда вы бы посоветовали ему обратиться? Правильно, к психиатру. Но разве мы сами, нормальные вроде люди, ежечасно не занимаемся ровно тем же, но только про себя: спорим, показываем фигу, смеёмся, отпускаем реплики, чертыхаемся, планируем, иногда толкаем целые спичи... Как говорится, приятно поговорить с умным человеком. Велика ли в этот момент, если задуматься, разница между нами и тем беднягой, которого мы называем помешанным? То-то и оно!

Рассудок в нашей голове (а мы уже знаем разницу между ним и умом) работает почти безостановочно и, по большей части, бесконтрольно. Конечно, бывают и острые, адресные мысли — например, когда мы решаем какую-то важную задачу, участвуем в ответственном разго-

воре. Но это не более чем эпизоды в той непрерывной пустопорожней болтовне, которую наш рассудок, по сути, ведёт... сам с собой, окрашивая окружающий его мир и людей в основном в тёмные и мрачные тона.

Но ведь известно, что умственная деятельность — энергетически самая затратная в человеческом организме: неслучайно первое, что отключается у альпиниста на критической высоте, — способность мыслить. Следовательно, и замеченная нами болтовня рассудка — не столь уж безобидная штука — в неё, как в сточную канаву, утекают драгоценные жизненные соки, силы и энергии, которым, пожалуй, можно было бы найти и лучшее применение. (Кстати, каждый может заметить, что после долгих и бесплодных умственных терзаний наступает состояние опустошённости, отрешённости и бессилия.)

Ранее нами была установлена одна из главных причин этого расстройства души. Да, да, именно расстройства, поскольку Бог сотворил двусоставного (тело и душа) человека совершенным, то есть неспособным причинять себе боль и вред. Итак, наш божественный ум в результате грехопадения сбежал из своей природной обители — сердца, и втиснулся в функционально непредназначенный для этого рассудок; последний представляет собой что угодно — оперативную память, «центральный телеграф»

(по меткому сравнению святителя Луки Войно-Ясенецкого), но только не вместилище ума. От этой подвижки проиграла оба. Ум — через рассудок — весь обратился долу, к земному, он ослаб, рассеялся и потерял прямую связь с Богом-Творцом. Рассудок же, приютив беглый ум, взвалил на себя ношу, к которой не был предназначен. И тот, и другой смешались, повредились и утратили изначальное здоровье.

Нормальное состояние рассудка — это не праздное бормотанье по поводу и без, а тишина... в ожидании команды ума. Значит, в рассудке должны, по идее, существовать клавиши «вкл» и «выкл», и если таковые не работают (вернее, мы ими не умеем пользоваться), то дело не в них, а в нас. Более того, очевидно, что рассудок способен и даже расположен вернуться в своё естественное состояние, то есть теоретически он должен содействовать нашим усилиям по восстановлению нарушенного внутреннего порядка. Правда, это допущение несколько не отменяет необходимости усиленной работы над собой, равно как и возможных неудач, временных разочарований и даже попятных движений. Вернуть ум в сердце очень даже не просто. Авиценна говорил: по времени болезнь лечится столько же, сколько накапливается в организме, но он имел в виду, конечно, тело. Слава Богу, «внутренний человек» имеет качественно иную

природу, и может быть исцелён — при помощи создавшего его Господа — на порядок быстрее.

Итак, что же надо делать, чтобы прекратить хаос в голове?

Понятно, что уговоры здесь бесполезны: уговоры — это тот же ментальный хаос, только вид сбоку. Первое — следить за хаосом, происходящим в рассудке, мониторить, так сказать, своё умственное пространство. Как зарвавшийся секретарь или нашкодивший кот, рассудок не любит, когда его застукивают на месте преступления. Свет сознания останавливает его, и вы скоро убедитесь: чем более мощный луч внимания вы направляете на «ситуацию в голове», тем чаще рассудок словно замирает в оцепенении, и... наступает некая пауза, тишина. Назовём её тишиной ума.

Второе — необходимо выработать в себе умение принимать всё происходящее вокруг вас как есть, как данность, если угодно, как неизбежность. Мы уже как-то говорили: если ситуацию нельзя изменить или из неё не находится выхода, с ней надо примириться. Но ни в коем случае нельзя «париться». Нельзя «работать стенкой» для собственных страстей — раздражения, осуждения, зависти и иже с ним. Нельзя плодить боль и хаос в собственной голове. Эти мы лишь поощряем рассудок на новые и новые «подвиги», добавляем топлива в «фабрику грёз и негатива».

Третье — молитва. Тем, кто ещё не верит или верит, но недостаточно осознанно, Святые отцы всё равно настоятельно рекомендуют про себя, а лучше вслух (но незаметно для окружающих) читать главную православную молитву — Иисусову. Звучит она так: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного (грешную)! Молитва соединяет живого человека с живым Богом, она помогает принести Ему покаяние даже тогда, когда мы ещё не очень-то сознаём своё истинное бедственное состояние, она призывает помощь Божию, и такая помощь приходит немедленно и в любых обстоятельствах. Наконец, молитва удерживает нас в настоящем — том единственном месте, где течёт река жизни. Она возвращает человека в ту микроскопически малую точку, где он действительно живёт, а не блуждает мысленно во времени, и где рассудку просто невозможно — в силу дефицита времени и пространства — плодить свои обычные химеры. Видите, какая польза от молитвы! Пред ликом Божиим рассудок замирает и умолкает, как умолкает самый горластый пёс при виде хозяина.

Четвёртое — это обуздание страстей. К этой теме мы ещё не раз вернёмся: она важна, ибо страсти, коим несть числа, словно сухие дрова, воспаляют беспечный разум и не позволяют ему функционировать нормально. Простой пример:

попробуйте не осуждать никого и ничего хотя бы в течение одного дня, и вы узнаете, как это трудно сделать. Сказать-то легко, а сделать невыразимо трудно!

Какие выгоды и преимущества получим мы от наших начальных аскетических упражнений? А вот какие:

- ◆ огромное энергосбережение в масштабах всего организма;
- ◆ отдых для ума и повышение его КПД;
- ◆ умение сосредотачиваться и включать рассудок, только когда это требуется;
- ◆ желание молитвы — как отражение естественной тяги ума — главного орудия души — получать здоровую и полезную для себя духовную пищу, а не обычные информационные отбросы, коими он привык в неосознанности забивать свою ненасытную утробу;
- ◆ добавим сюда изменение в лучшую сторону всех социальных отношений и даже самой жизненной ситуации, но... это уже следующая история.

Жизнь в настоящем

Умение жить в настоящем — одно из главных достоинств верующего человека. Так говорят Святые отцы. Я бы ещё добавил: это ещё и признак глубокой религиозности...

Но что такое настоящее? Возможно, сам этот вопрос кому-то покажется нелепым. И даже глупым.

Настоящее — это то, что есть здесь и сейчас, — разве не ясно? Конечно, это так, но в том-то и дело, что подлинная сущность настоящего много глубже и сложнее любых внешних и поспешных о нём представлений: не случайно над этой загадкой билась и до сих пор бьются лучшие умы, целые философские школы и магистральные религиозные течения. И ведь есть ещё и практический аспект — надо научиться жить настоящим.

Если представить себе время в виде бесконечной линейки с делениями, то, очевидно, настоящее — это одно из делений на линейке. Следуя дальше этой логике, жизнь можно представить как чередование делений (или мгновений). Перешагивая с одного деления на другое, мы движемся во времени от рождения до смерти. Позади себя оставляем прожитые деления. Они уже в прошлом, и физически их нет. Впереди — будущие, ожидающие нас мгновения, которые ещё не наступили и, в общем-то, не факт, что наступят, — в этом смысле физически их тоже нет. Реально существует только одно мгновение — настоящее. Можно сказать, что и вся жизнь — это одно непрерывное настоящее мгновение. Всё прочее — либо отработанный ресурс, либо виртуальное предположение.

Понятно, что настоящее микроскопически мало — как острие иглы. Вот оно здесь, и, смотришь, нет его: ускользнуло, растаяло, как дым. Пом-

ните в «Фаусте» у Гёте: «Остановись мгновение, прекрасно ты!». Но мгновения не останавливаются, Фауста обманул лукавый сатана. Они неумолимо чередуются, с невообразимой скоростью сменяют друг друга, принося с собой неповторимые и невозвратные чувственные ощущения и мысли... Но даже и это ещё не всё. Особенность человеческого восприятия заключается в том, что реалии жизни, как правило, поступают в наше сознание не непосредственно, а с некоторой задержкой. На своём пути от настоящего до его ментального образа они проходят фильтры чувственного восприятия и умственных оценок. Строго говоря, в финальных ощущениях мы получаем не «здесь и сейчас» в чистом виде, а как бы его отпечаток, оттиск, ушедшую тень. Мы словно бы крутим слайд-шоу только состоявшихся (но уже состоявшихся) событий, в то время как реальная жизнь идёт себе спокойно, всякий раз на шаг-другой опережая наши чувства.

Впрочем, вернёмся ещё разок к нашему секретарю-рассудку. Теперь, надеюсь, понятно, как и почему неутрачивающие ментальные бури в наших головах становятся непреодолимым препятствием для нашего пребывания в настоящем. Само настоящее никуда, разумеется, не девается, однако чем больше гвалта в голове, чем продолжительнее «до-

работка» реальности всякого рода субъективными оценками (индец Дон Хуан в известном романе Карлоса Кастанеды называл этот процесс «индульгированием»), тем труднее установить с ним контакт. Выходит, и само мышление — проблема? Ра-зумеется, нет. Мышление, как таковое, — не проблема. Проблема — это неуправляемое, произвольное и неосознанное рассудочное мышление. Бормотание рассудка.

Но почему же для нас так важно настоящее? Господь говорит: Аз есмь сый. Я — сущее. А сущее это то, что есть, то, что реально пребывает здесь и сейчас. Мечтами и фантазиями, виртуальными страхами и воспоминаниями мы увлекаемся прочь от этого настоящего, а значит, и прочь от Бога. Потому-то Отцы и предостерегали от «мечтательности», призывая к трезвению и бдительности. «Блюдите, како опасно ходите», — говорит апостол Павел.

Напротив, тишина ума («тайна будущего века»), которой мы потихоньку начали учиться, есть не что иное, как антипод рассудочного гвалта и, следовательно, пропуск в настоящее. Когда ум молчит, он перестаёт осуждать и сравнивать, вешать ярлыки и самоуправствовать, надеяться и тер-зается. Он присутствует в настоящем и наблюдает. Тогда ничто не мешает ему общаться с Богом.

Впрочем, здесь необходима важная оговорка. Отстранённое присутствие в настоящем вовсе не означает автоматического общения с Живым Богом. Может случиться и иначе. Все до одной эзотерические восточные практики и учения, в той или другой форме, тоже проповедуют «тишину ума», однако в предлагаемой ими духовной тишине нет места истинному Богу, и, следовательно, вместо света они влекут нас во тьму, а там — демоны-мучители. Это надо знать, и об этом надо постоянно помнить, чтобы в поисках целительного настоящего не сбиться (точнее, не позволить себя сбить) ненароком с «узкого пути», ведущего в жизнь.

Православная молитва, как уже говорилось, — лучшее средство усмирения рассудка и отражения «огненных стрел» (помыслов и прилогов), посылаемых незримым врагом. Действие молитвы усиливается постом, а вместе они, по словам Господа, одолевают «род сей» — духов злобы поднебесной.

«Всегда молитесь» — учит апостол, и этим он призывает нас блюсти чистоту и тишину ума, пребывать в настоящем, избегать мечтательности, бдительно и внимательно переступать с одного деления «линейки времени» на другое — как движется опытный охотник по незнакомому лесу. Каждый момент жизни уникален, и каждый может стать последним...

Когда вас одолевает уныние, страх, раздражение, зависть, тщеславие и всё такое, помолитесь Иисусовой молитвой: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного, — и вы скоро почувствуете, как рваные и болезненные мысли стихают, ожесточение или угнетение души испаряется, наступают покой и сосредоточенность. Но это не пустота. Это та добрая почва, на которой, часто неожиданно для нас самих и как бы ниоткуда, вдруг произрастают решения и идеи, открывающие пути в, казалось бы, беспросветных тупиках, разрешающие самые запутанные отношения и конфликты, дающие энергии и силы для движения вперед. Так Господь ласково прикасается к верной и любящей душе. Так настоящее проступает из сумрака времени и становится нашим верным союзником.

Чувство Живого Бога

Вот мы и подошли к главному. Слово «религия» в переводе с греческого языка означает «связь». Но с кем эта связь? Конечно, с Ним — с Богом.

О, это тончайший, деликатнейший вопрос. Как уникальна, безбрежна, тонка и самоценна каждая живая душа, так неповторим и в значительной мере непостижим (даже для неё самой) опыт её личного общения с Господом. В этом смысле, следуя Святым отцам, мы мо-

жем догадываться лишь о некоторых общих сторонах, общих признаках этого общения, оставляя за вуалью тайны и неведения само богообщение как таковое. Не всё полезно знать нам, человекам....

Несчастливы и достойны сочувствия люди, не удостоивающиеся или недостойные этого чуда. Как часто формальная образованность (а, по сути, перегруженность интеллекта избыточными и, по большей части, ничемными знаниями) мешает человеку принять, почувствовать сердцем реальность бытия Божия. Про таких «интеллектуалов» Святые отцы говорят: всю жизнь чему-то учатся, и так ничему и не научились. Хаос в рассудке рождает суету во внешней жизни. Вот мы и мечемся по странной дороге судьбы подобно тому, как глупый котенок гоняется за солнечным лучиком. Мы пробуем и меняем то на другое, другое на третье, вечно ожидая чего-то лучшего в будущем, не верим никому, и тут же доверяемся первому встречному, постоянно наступаем на грабли — часто одни и те же, набиваем шишки, и занятие сие превращаем в содержание и смысл своего существования. На деле же мы всё время неосознанно стремимся заполнить вакуум собственной богооставленности, боль и томление души, которая точно знает, что Он есть, и бесконечно страдает, будучи отделена от него произволом страстей, глупости и самости. «Религиозным иди-

отизмом» называл Н. Бердяев неспособность людей воспринимать метафизическую сторону бытия.

Святой Серафим Саровский утверждал, что единственная цель нашей краткой жизни на земле — стяжание благодати Духа Святаго, то есть богообщение. Последнее же невозможно для грязной души (большого «внутреннего человека») и тела, порабощённого греху. Чистое и святое не может, и не будет, пребывать в грязном и порочном. Подобное познаётся только подобным. Отсюда — необходимость понуждения себя к исполнению заповедей Христовых как важнейшее предварительное условие вступления в личный контакт с Живым Богом. И не иначе!

Но даже и это ещё не всё. Бога должно призывать или, как говорили Отцы, вопить к Нему. Чем больше в каждом из нас сознания своего греха и неспособности одолеть зло души собственными силами, чем больше отчаяния твари, гибнущей в трясине (а так, в сущности, и обстоят наши дела!), чем громче зовём мы Спасителя, тем скорей и верней эти сигналы SOS дойдут до Его слуха. Вопль должен быть глубинный, сердечный, ибо Бог есть Дух, и Ему важны не сотрясения воздуха, а тонкие вибрации души: «Чадо, дай мне сердце твоё».

Только исполняя личный труд покаяния и взывая к Творцу, можем мы рассчитывать — да, да, рассчитывать, надеяться, уповать, и не бо-

лее того, — что Господь услышит призыв и войдёт в страждущую душу, чтобы исцелить её и открыть ей Царствие Своё. «Стучите и откроют вам» — успокаивает Он верных Себе. «Грядущего ко Мне не изжену вон».

Как-то задумался я об этих словах Спасителя, и в голову пришла странная мысль: а ведь наши отношения с Ним далеко не равноправны. Господь — Отец наш небесный, ясно и безусловно принимает на Себя обязательство не отвергать никакую душу, «грядущую к Нему», даже самую падшую. А мы? Мы, оказывается, вправе (вернее, самим Господом нам даровано такое право) не впускать (!) Всевышнего в свои души; не этим ли большинство из нас под разными предложениями и занимается?

Что же тогда есть — личное общение с Живым Богом? Душа, очищаясь, трепещет, чувствуя приближение Его: через успокоение («Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные и Аз успокою вы»); через прилив жизненных сил и творческих энергий и, наоборот, рассеивание былых страхов и иллюзий; через трезвение и смирение — это когда человек перестаёт рыскать по жизни, словно зверушка с мозгами, без царя в голове, а как бы отцентрируется и выравнивается и начинает, сначала робко, а затем всё уверенней, двигаться по своему «узкому пути». «Я — клетка Бога Живаго» —

говорит он себе, и душа его ликует, наполняясь неземной радостью, определяет, наконец, свои координаты во вселенской иерархии, и, побеждая одиночество, возможно, впервые в жизни обретает истинный смысл своей жизни.

«Аз есмь сый» — Я — сущее, говорит Господь, и мы можем, при некотором напряжении ума и обуздании своей «председательской железы», ощутить Его присутствие во всём: в птичке, являющей собой сверкающую грань бытия Божия, в дереве, в цветке, в звёздах. Во всём-всём, ибо всё тварное, всё создано Им, и всё поддерживается Его благоволением и промыслием в должной последовательности, взаимосвязи, взаимозависимости и сбалансированности. Великий и дивный, простой и, вместе с тем, непостижимо сложный механизм вселенской жизни. Вглядитесь в обычное дерево. Оно — тоже творение Его. Какая могучая сила создала это живое чудо? Как удаётся ей, толкая влагу от корней к кроне, поддерживать в древесных волокнах давление в семьсот атмосфер?

Или это случайность, как утверждают эволюционисты? Результат бесконечной игры в «рулетку естественного отбора»? Но тогда мы обязаны были бы признать такой же случайностью и рельсы на железной дороге, и велосипед, и компьютер. Нет, возразит нам невер, у всех этих вещей есть творец — это человек.

А у природы, над загадками которой мы бьёмся невесть сколько веков без всякой, впрочем, надежды разгадать их до конца? У неё разве нет творца?

Разумеется, есть, как бы ни сопротивлялся этой очевидной истине наш маленький, но горделивый ум, просто не способный (до поры) вместить в свои пределы такую громадную реальность, каковой является Живой Бог.

Управление временем

Время! Великая загадка, над которой бьются лучшие умы человечества. Что это — проклятье, отсчитывающее каждому — от царя до пастуха — сроки расставания с жизнью? Или благо, дарующее падшему потомству Адама шанс на покаяние и вечную радость пребывания с Богом? Именно шанс, ибо однажды и «знание упразднится», и земля сгорит вместе со всеми «делами человеков», и время прейдёт. В вечности, по всеобщему свидетельству духовидцев-отцов, времени нет.

Душа человеческая сосуществует с телом неслитно и нераздельно — по крайней мере, до физической смерти индивида. Как мы теперь знаем, она отлична от тела и по природе, и по происхождению, принадлежа сразу и тому — незримому, и этому — видимому миру. Между тем, тело («кожаные ризы») создано Богом из праха земного и,

отслужив свой срок, в землю же уходит. Тело служит как бы облачением души в материальном и конечном мире, ограждая и отделяя её от преждевременных контактов с миром духовным. Впрочем, отсюда не следует — и Святые отцы многократно это повторяли, — что тело менее ценно или менее свято, чем душа: после Страшного суда все до одного тела будут воскрешены, воссозданы и воссоединены со своими душами для установления их последней участи в вечности.

Наличие столь существенных различий между телом и душой позволяет нам с большой долей вероятности предполагать и неодинаковость восприятия, ощущения ими времени. В чём это проявляется? Для тела процесс физического старения неизбежен и потому естественен. Какими бы иллюзиями или косметическими ухищрениями мы себя ни обманывали, время, как беспристрастный судья, рано или поздно вскроет правду. Душа... о, это другое дело. душа вечная, и смерти в том виде, какая предстоит телу, она не подвержена. Земная жизнь человека — всего лишь краткая веха на её бесконечном пути в вечности — не оттого ли, оглядываясь назад, мы, независимо от возраста, воспринимаем прожитые годы как яркую вспышку, так что даже требуется известное усилие ума, чтобы «распаковать» архивы па-

мяти и восстановить последовательность и содержание того или иного прожитого отрезка времени. Природу этого явления можно представить и иначе: мы говорили о том, что жизнь человека — это чередование мгновений настоящего или... одно, слитое воедино настоящее мгновение — именно таким оно откладывается в механической памяти рассудка, освобождаясь от ментальных и запоздалых «дорисовок», производимых нашим сознанием.

Молодость (если не сказать — младенчество) души каждый из нас ощущает вполне конкретно, особенно когда преодолён экватор жизни, и процесс старения болезненно ускоряется. Как часто, изучая своё отражение в зеркале, человек отказывается верить собственным глазам: «Неужели этот старик — я?». Оставаясь, по сути, такой же юной, что и в детстве, душа не хочет признавать себя в новом обличье, она словно сопротивляется своей временной «нераздельности» с бранным телом. И если бы жизнь человека сложилась так, что ему довелось бы видеть себя в зеркале только дважды — скажем, в пять и в семьдесят лет от роду, — его душа при виде себя самой на склоне лет, скорее всего, содрогнулась бы от изумления и ужаса.

Как часто мы сетуем: «Не хватает времени!». Но, во-первых, какого именно времени нам не хватает? Ка-

лендарного, единого для всех и текущего неумолимо в такт со всеми часами на свете, или психологического, складывающегося в нашем сознании в результате прохождения «кадров» календарного времени через фильтры индивидуального восприятия? В том, что это разные, притом весьма разные, ипостаси одного и того же, по сути, времени, нетрудно убедиться опытно. Простой пример: когда мы заняты любимым делом и поглощены им без остатка, время летит стрелой, на душе и в теле изумительная лёгкость. Проходит несколько часов, а нам кажется — всего несколько минут. И наоборот: томясь в длинной очереди и ожидая чего-то для себя неприятного (например, приёма у стоматолога), мы воспринимаем минуты как часы и ощущаем усталость как от длительной работы. Календарное время всегда одно и то же, психологическое — у каждого своё.

Во-вторых, вместо того, чтобы жаловаться на вечный дефицит времени, неплохо бы разобраться, по какой такой причине этого ресурса, притом ресурса бесценного и неумолимо убывающего, нам всегда хронически недостаёт. Впрочем, хоть это и звучит анекдотично, даже для такого насущного дела у нас может не найтись минуты — другой.

Итак, куда чаще всего утекает наше время? Осознанность, сообщаемая верой (это когда начинают

видеть глаза выздоравливающего «внутреннего человека»), открывает, без преувеличения, жуткую картину. Сонм иллюзий, страхов, фантазий, стереотипов, предубеждений и обусловленных ими бесчисленных ошибок в отношениях с людьми, в делах, решениях и выборе пути сопровождает обычного человека, словно туча назойливых комаров.

Как жуки-короеды, эти метафазы больной души выедают изнутри часы и минуты нашей жизни, ворую у нас драгоценное время, отведённое на покаяние. Уповающий только на себя человек бредёт по жизни, как слепой, шатаясь и бросаясь из одной крайности в другую, постоянно спотыкаясь и наталкиваясь на преграды, набивая болезненные шишки и получая тяжёлые психосоматические травмы. Такова суровая действительность, и её не избежать обычными средствами: мы не знаем будущего, и уже хотя бы в силу этого прискорбного обстоятельства каждый новый шаг совершается нами наугад, как придётся, в никуда. Разве не так?

Религиозное понимание мира предлагает иной выход: не плестись во тьме собственного невежества, прикрытого фиговым листком формальной образованности, а покаянно, то есть честно и самокритично, признать свою немощь и ухватиться, что есть силы, за ризу

Господню. Будучи совершенной любовью и нашим духовным Отцом, Он, прозревающий прошлое и будущее, держащий наши души как на ладони, никогда не выдаст, выведет из любого тупика, укажет путь к свету и жизни. Правда, для обретения Бога в душе своей надо ещё изрядно попытеть: распять в себе ветхого человека и жить по заповедям Христовым.

И тогда, поверьте, однажды вдруг станет ясно, что времени у каждого из нас с избытком. Не тратя его на пустое, мы сможем не спеша распоряжаться этим ресурсом себе и другим во благо, и само благо, как земное воплощение божественной благодати, лишит «старое» время его обычной власти над нами. Радость, наполняющая сердце, когда в нём обитает Бог, изгонит и упразднит всё, что придаёт времени тяжесть и остроту карательного меча; осмысленность бытия, ведомого Всевышним Творцом, расчистит и спрямит лукавые пути; свет Божьей благодати разгонит демонов-мучителей, обращающих нашу жизнь в сущий ад. И однажды возникнет странное чувство: становясь Божьими, мы начинаем реально управлять несговорчивым временем.

Куда идём?

В каждом походе время от времени надобно делать привалы. Вот и в нашем, прямо скажем, нелёгком путешествии в глубины (или к вы-

сотам?) души настал момент для отдыха. Присядем, поговорим о всяком — разном. Например, о том, что нами уже пройдено, и что ещё предстоит пройти.

Мне представляется, что одна из основных проблем современного высокообразованного человека и одновременно одно из тяжелейших препятствий на пути его воцерковления — то есть принятия сердцем идеи Бога-Спасителя, вселенской роли Церкви и изменения себя во Христе — заключается в неспособности критически оценить свою душу, свой интеллект, свою жизнь. Говорю это не просто так — по себе знаю. Огромный пласт святоотеческих знаний лежит прямо перед нашими глазами — только руку протяни. Знаний не отвлечённых, не «вообще и обо всём», а предельно конкретных, адресных, обращённых к каждому человеку в отдельности. Ко всем нам как любимым чадам Божиим. Знаний о том, кто мы есть, откуда взялись и зачем живём на этой земле. Из каких частей состоим, чем страдаем (и не только телом, но и душой) и как лечиться. Как достигать максимума своих сил и талантов, и как освободиться от докучливых страхов, страстей, боли. Как в непроглядной тьме будущего, тем не менее, различать свой персональный «узкий путь». Как прожить эту жизнь радостно и встретить неминуемую смерть достойно, то есть в любой

момент быть готовыми, насколько это возможно, к нелицеприятному суду Божию.

Разве всё это неважно или второстепенно?

До прихода в храм я десять лет истязал себя бизнесом и, кстати, за все эти годы не прочитал, пожалуй, ни одной серьёзной книги. После заслуженного кризиса — локального суда Божия надо мною как вконец заблудшей личностью — тяга к чтению вернулась, но она стала в корне иной. С тех пор меня не интересуют беллетристика и новостная лента: какой смысл копаться в хитросплетениях чужих судеб — их, между прочим, столько же, сколько людей на планете, — если я не могу толком разобраться в самом себе и своей собственной судьбе? Зачем тратить на чепуху драгоценное оставшееся мне до смерти время (тем паче, что я даже не знаю, сколько его осталось, и осталось ли вообще) на расчистку «чужих сараев», коли мой собственный «сарай» — простите, это я о душе — захламлен и нечист?

Интеллектуалу наших дней действительно трудно признать, что он «чего-то там» не знает. Что он в чём-то невежда. Незримый «подсказчик-опекун» из числа падших духов тщательно следит за тем, чтобы у гордеца не снижалось воспаление «председательской железы». Да и вся система нынешнего образования устроена (этими же, заметим, тварями)

таким образом, чтобы ни семья, ни школа, ни вуз, ни, наконец, информационная среда взрослого обитания не содержали в себе богооткровенного знания «науки из наук» и не позволяли малейшим её элементам просочиться в сознание современных людей.

Впрочем, есть и положительный момент. Современный человек имеет чрезвычайно развитый интеллект и способен поглощать и усваивать куда больше информации, чем его недавние предки. Следовательно, при серьёзном отношении к делу ему не составило бы большого труда понять, чего от него добивается Господь через Евангелие и труды Святых отцов Православия.

Итак, прежде чем войти в ограду храма, нужно серьёзно поработать над собой. Восполнить, так сказать, досадный пробел знаний о себе, о вселенной, о Боге. Создать цельную и панорамную картину мироздания, исходящую не из научных предположений, которые страдают как раз из-за отсутствия цельности и завершённости (ибо происходят всё-таки от весьма ограниченно-го человеческого разума и потому постоянно меняются), а из тех сведений о Себе и человеке, которые нам сообщил сам Господь.

Порой эта искомая картина, а лучше сказать, евангельское миропонимание, представляется мне в виде некоего «лего», состоящего из тысяч различных плотно при-

мыкающих друг к другу частей. Это «лего» никогда не сложится в цельное полотно и не поразит воображение ума своей красотой и гармонией, пока в нём остаются пробелы. В нашем же мировосприятии, увы, присутствуют не просто зияющие лакуны невежества, но ещё и немало ересей и духовных суррогатов, грязи, вброшенной из того же незримого тёмного пространства. То есть, проще говоря, большинству из нас предстоит одновременно и постигать новое, и вычищать вредоносное старое.

Наш путь к свету начинается, таким образом, не с комфортной «нулевой» отметки, а со дна тёмной и холодной ямы собственного невежества и богооставленности. Наши «азы» — это ступеньки или, если угодно, недостающие кусочки «лего», из которых, Бог даст, сложится искомая картина. Речь, конечно, не идёт о богословии в высоком, академическом значении этого слова. Речь идёт именно о начальных, но, тем не менее, насущно необходимых, базовых знаниях о вере, человеке и Боге. Поняв себя, осознав свою избранность и в то же время повреждённость, уяснив, что есть грех и страсти, и как бороться с ними, усвоив относительность смерти и ответственность свою перед вечностью, научившись взывать к помощи Божией и жить

по Христу, человек действительно в корне меняется. Он становится Божьим. Всё ненужное ему и всё, недостойное его высокого звания, постепенно счищается с его души, словно под скальпелем незримого Врача, и он, независимо от своих текущих жизненных обстоятельств, начинает ощущать то, что апостол Павел называл радостью бытия.

Ну а если между частичками «лего» вы и обнаружите нестыковки или зазоры, не расстраивайтесь. Обратитесь к Евангелию и Святым отцам, покопайтесь в книгах, и недоумение растает, как дым. Не забывайте — мы с вами проходим лишь начальные классы «науки из наук», «азы» — это арифметика веры — не алгебра. Зато когда после «курса молодого бойца» мы вступим под своды храма и после божественной Литургии услышим проповедь священника, многое из того, что сейчас нам кажется непонятным, вдруг обретёт ясность и чёткость. И даже обидные реплики «церковной бабушки», которые многих новичков (некоторых, увы, навсегда) отвратили от церкви, покажутся обоснованными и даже заслуженными. Помните апостольские слова: гордым Бог противится, а смиренным даёт благодать?

...Что ж, отдохнули, пора и честь знать. Двинемся в путь — дальше по ступеням «азов» к свету Истины.

**Тайна познания.
Телесное ведение**

Считается (и всеми способами вбивается в сознание молодёжи проводниками нигилизма), что вера — препятствие на пути познания, прогресса и... вообще всякого жизненного успеха. Попробуем не просто развеять этот миф, но с помощью Святых отцов обосновать нечто, прямо противоположное: без веры, без Бога homo sapiens (человек разумный) обречён на невежество, а так называемый научно-технический прогресс, лишённый духовной «узды», — на дальнейшую деградацию, грозящую подрубить самые основы жизни на земле. Пора, пора нам разобраться с этим вопросом, чтобы, пока не поздно, вырвать и самих себя, и всё общество наше из липкой паутины либеральной лжи.

Преподобный Исаак Сирий (VIII век н.э.) различал три ведения или три способа познания: телесное, душевное и духовное. Характерно, что с ними он напрямую связывал и состояние души, здоровье «внутреннего человека». Больной душою, писал подвижник, обладает телесным знанием, лечащийся — душевным, исцелённый же владеет духовным ведением и знает таинства духа, неведомые и непостижимые для плотского человека.

Первое и низшее здесь — ведение телесное. В нём без труда узнаётся всё то, на чём основаны, чем

питаются и чем руководствуются нынешние наука и культура. Мотивируясь плотской похотью, такое примитивное или, по словам Исаака Сирина, «голое», ведение нацелено на одно лишь «богатство, тщеславие, убранство, телесный покой, рачение о словесной мудрости». Этими примитивными идеями инициируется «обновление в изобретениях, и искусствах, и науках». Телесный способ познания «мечтает, что всё бывает по его промышлению», однако в отсутствие двух других — душевного и духовного — любые его усилия, в конечном счёте, оказываются тщетными (читай: ошибочными) и не только не приносят блага человеку, но и доставляют ему множество разочарований и затруднений. (В одном из первых «азов» мы подробно останавливались на вызовах нашего неистового времени и скверных ощущениях «маленького человека» — это как раз к данному случаю.)

Человеком с телесным ведением (то есть, признаемся честно, — речь идёт о большинстве из нас) неотвратимо овладевают «малодушие, печаль, отчаяние, страх от бесов, боязнь от людей, молва о разбойниках, слухи о смертях, заботливость в болезни, тревога в скудости и недостатке потребного, страх смерти, страх страданий и злых зверей и всё прочее». Не умея предать себя милости Божьей, такой человек пытается са-

мостоятельно решить различные проблемы; когда же ему — а это случается сплошь и рядом — не удаётся найти их разрешения, он «препирается с людьми, которые препятствуют и противятся ему».

Ведомый по жизни плотским познанием всегда одинок, всегда в контрах со всем и вся, он нападает на людей, поскольку они препятствуют ему обладать «своими» благами. В небо он не смотрит — некогда, да и не к чему! — обращён долу, к земле, к корнеплодам, и постепенно, сам того не замечая, начинает следовать скотским инстинктам и придерживаться вполне свиного образа мысли и жизни. О таких плотских людях Господь перед Потопом посетовал: человек в чести сый, не уразуме, приложися скотам несмысленным и уподобися им.

Любви, настоящей любви, плотское ведение не знает, да и не может знать. Оно «разыскивает малые проступки других людей, вины их и немощи и настраивает человека учительствовать, прекословить на словах, измышлять лукавые средства и хитрости; прибегает оно и к прочим способам, оскорбительным для человека. В нём надмение и гордыня». Какие поразительные по силе слова! Какой точный и ёмкий диагноз нашей псевдоцивилизации, погрязшей в телесном ведении и проистекающих из него пороках, гордыне, насилии, лжи!

Но без любви, в отрыве от Бога, который «есть любовь и только любовь и ничего, кроме любви», человек обречён на неминуемое умирание. Он как бы иссыхает и истончается. Сначала сам, а затем под действием той же «радиации нелюбви» чахнет и увядает всё вокруг него. Виною тому — негодные побуждения и дела плотского человека, от которых он же испытывает недоумение, стресс и депрессию (признаем ли мы и здесь самих себя?!). Дальше — суицид как выражение распада личности, утратившей в себе божественную любовь.

Хотим ли себе такой участи? Хотим ли застрять на этом уровне познания? Если нет, то в следующий раз поговорим о душевном познании и способах его достижения.

Тайна познания. Душевное ведение

Как отмечалось, все три типа познания — телесное, душевное и духовное — напрямую связаны с процессом исцеления «внутреннего человека». Сегодня мы кратко рассмотрим второй, душевный тип познания, который, по словам Исаака Сирина, доступен только «лечащейся душе». Этот промежуточный уровень познания, получается, расположен где-то между низшим, телесно-плотским, соответствующим больной душе, и высшим, духовным, открывающемся только здоровой душе.

Сразу отметим: единого, стандартного и общего для всех понимания того, что есть душевное познание, нет и, наверное, быть не может. Как нет, и не может быть, двух одинаковых человеческих душ или двух одинаковых судеб. Поэтому мы вправе говорить лишь об общих рамках и предпосылках перехода от плотского познания к душевному. А это то, с чего начинается выздоровление души: осознание «нищеты духа», пост, молитва, смирение, чтение священных книг, исполнение заповедей Христовых. И ещё: лечение «внутреннего человека» и должное просвещение его (переход на второй уровень познания) фактически совершается Духом Святым. В этом смысле, восходя от плотского познания к душевному, верующий человек не столько освобождает свой разум от балласта «лжеименного разума» (страстей, похотей, иллюзий, предубеждений, стереотипов, страхов и т.п.), сколько через такое очищение — и по мере оно — соединяется с Богом и Его премудростью, всецело вверяя себя последней. Образно говоря, человек перестаёт полагаться на скудные ресурсы своего интеллекта, от коих, признаться, одни беды, ошибки и разочарования, а подключается к другому, метафизическому, необъятному и пребывающему в вечности ресурсу Божьего Разума, пронизанного любовью к нему и миру.

Отсюда вполне логично следует вывод о том, что воспитание в себе способности к душевному познанию — это процесс:

а) синергический, представляющий собой неперемutable и синхронное взаимодействие двух начал — человеческого и Божественного (при приоритете последнего, разумеется);

б) постепенный, ибо и выздоровление души достигается не сразу;

в) неравномерный и трудный, с присущими ему спадами, неудачами и даже попятными движениями.

Мир, как и человек, двусоставен. Поэтому когда апостол Павел говорит, что мы видим его «гадательно, как бы сквозь мутное стекло», а узнаём всё, только «когда умрём», он, конечно, отсылает нас к душевному уровню познания, когда выздоравливающая душа начинает что-то различать в том крошечном тумане неведения, который окружает обычного плотского человека. Что же именно она начинает различать?

Мне кажется, можно говорить о двух типах душевного видения — прямом и косвенном. Прямое видение — это те мысли и решения, что подаются нам непосредственно от Духа Святаго в ответ на нашу молитвенную литургическую просьбу «доброго и полезного душам нашим». Вместо обычного гвалта произвольных и, по большей

части, вредных мыслей и эмоций, душа, погружаясь, хотя бы ненадолго, в молитвенную тишину, получает своего рода подсказки, приходящие неожиданно и как бы ниоткуда, ... но как они бывают уместны и желанны! Словно в темноте очередного жизненного тупика приоткрывается потайная дверь, и через неё изливается спасительный свет. Поначалу таких моментов бывает немного, однако с течением времени, по мере преодоления страстей, душевное ведение становится всё более устойчивым. А вместе с ним приходят покой и уверенность.

К косвенному душевному ведению я бы отнёс не прямое разрешение тупиковой ситуации подсказкой свыше, а, скорее, некое неявное предупреждение от ложного шага. Нередко это помогает нам правильно строить отношения с окружающими людьми. Как часто, вступая в ту или иную связь с незнакомым человеком, мы игнорируем слабое сопротивление сердца (души) и доверяемся прагматическим доводам рассудка: ничего, что он (она) тебе не нравится, зато это крутой (влиятельный, богатый, красивый и проч.) человек, он будет тебе полезен. Много позже, когда, совершив положенный круг трансформаций, эти «полезные» отношения обернутся разочарованием и болью, мы с досадой вспоминаем то первое робкое предупреждение... Мы убеждаемся — но какой ценой! — в том, что не стоит хва-

тать всё, что летит мимо тебя: это может оказаться «блесной».

Выздоровливающая душа почти уже не допускает таких ошибок. Она начинает распознавать их на «дальних подступах», экономя наши силы, нервы и время. «Узкий путь» всё явственнее проступает перед верующим человеком из крошечной тьмы рядового плотского неведения, а это знание — главное, чего стоит добиваться и ценить в скоротечной земной жизни.

Духовное ведение

Сегодня мы коснёмся (именно коснёмся: осторожно и уважительно) весьма важного предмета — ведения духовного. Это третий и высший тип познания.

Итак, было установлено, что познание как таковое есть свойство и функция души, следовательно, именно состояние, а лучше сказать, здоровье души, определяет и её способность к постижению мира во всей его полноте. Люди в Церкви не делятся на добрых и злых, нравственных или безнравственных, как это подразумевается человеческой этикой. Они подразделяются на больных душой, лечащихся и исцелённых. Первые обладают плотским, мирским познанием, вторые достигают в той или иной мере душевной мудрости, но только третьи, исцелённые душой, святые угодники Божии владеют ведением высшего порядка,

ведением духовным, то есть удаются подлинного познания Бога. В то же время, согласно учению Святых отцов (Исаак Сирин, Григорий Палама, Исихий и др.), благодать Духа Святого, содействующая очищению сердца и выведению души на уровень обожения, то есть прямого созерцания и познания Творца, действует, хотя и в разной мере, на всех этапах восхождения (исцеления) души. Эти этапы не разделены между собой, как может показаться, каменными стенами — «дух дышит, где хочет». Вместе с тем, главное условие богопознания остаётся неизменным: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Без чистоты сердца, достигаемой многими скорбями и трудами, распятием в себе ветхого человека, достичь высшего уровня ведения невозможно.

Этим ведением владели многие тысячи святых, начиная Моисеем, Давидом, Исаией, апостолами и кончая современными нам подвижниками: Серафимом (Саровским), Иоанном Кронштадским, Паисием Святогорцем, Силуаном Афонским и др.); все они сподобились его «по мере естества человеческого». Описывая свой опыт, святой Исаак Сирин писал: «Тогда может воспарять оно (духовное ведение. — А.Н.) на крылах в области бесплотных, касаться глубин неосязаемого моря, представляя в уме божественные и чувственные действия правления в естествах существ

мысленных и чувственных, и исследует духовные тайны, постигаемые мыслью простою и тонкою. Тогда внутренние чувства возбуждаются к духовному деланию сообразно состоянию, бывающему в оной жизни бессмертия и нетления, потому что ещё в здешнем, как бы в тайне, оно прияло мысленное воскресение в истинное свидетельство о всеобщем обновлении».

В общем, можно сказать, что «первая степень ведения охлаждает душу для дел шествия к Богу. Вторая согревает душу для скорого течения к тому, что на степени веры. Третья же есть упокоение от делания (что есть образ будущего), в едином приснопоучении ума наслаждающееся тайнами будущего».

Конечно, прочитав эти описания высших состояний души, мы едва ли сможем даже отчасти постичь их подлинный смысл и содержание. Делясь с нами своими переживаниями Бога, Святые отцы не превозносили себя, но старались нас приободрить и поддержать в трудном восхождении «из силы в силу»: так и альпинист, изнывая от холода, боли и усталости на крутом склоне, ощущая в себе приступы уныния, утешается тем, что видит порой манящую и сверкающую вершину своей мечты.

Достигнем ли и мы этих вершин «по мере естества человеческого», дойдём ли до половины пути или останемся у подножья горы, име-

нуемой «Святость», а то и на дне тёмной ямы духовной беспризорности и невежества? — всё это зависит только от нас самих. Господь целует даже начальные намерения наши, Он готов протянуть руку помощи каждому, кто отважится ступить на этот путь. «Грядущего ко Мне, — говорит Спаситель, — не изжену вон».

Страсти — что это такое?

Отмеченный святителем Тихоном (Задонским) «неприметный уход» христианства из нашей жизни — это не просто недостаток современной цивилизации. Если бы! С христианством, а вернее, с Православием, наше общество утрачивает целый пласт фундаментальной духовной культуры, на которой зиждется и без которой невозможны благополучие и здравие ни отдельно взятого человека, ни социума в целом. Подобно жуку-короеду, нигилизм выедаёт и подтачивает корни этой культуры, корни веры, оставляя за собой пустоту и неутрачивающую боль.

Вот и слова, составлявшие некогда остов миропонимания, совершенно извращаются и теряют свой настоящий смысл. Из грозных и предупредительных они превращаются в слащаво-жеманные, из ясных — в туманные. Так без устали работает мельница постмодернизма, мельница страстей, кредо которой «запрещено запрещать» (кстати, это лозунг — в основе своей марксист-

ский, но вполне усвоенный и принятый на вооружение нынешними либералами). Этих «оболганных» слов тысячи, впрочем, сегодня мы обсудим одно из них — страсти...

Говорят, начальство надо знать в лицо. Верно. Но разве не стократ важнее знать в лицо врага своего? В переводе с греческого существительное «страсть» является однокоренным с глаголом «страдать», и означает оно (!) внутреннюю болезнь. Естественно, речь здесь идёт не о плотском недомогании, но о болезни «внутреннего человека», состоящей порой из десятков и сотен малых и больших страстей с их мутациями и комбинациями. Думаю, если бы из этих душевно-духовных патологий кому-то вздумалось составить «Каталог страстей человеческих», этот труд по объёму не уступил бы «Большой медицинской энциклопедии». А уж о его актуальности как настольной книги homo sapiens наших дней и говорить не приходится.

Следует разграничивать понятия «страсть» и «грех». В самом общем смысле, страсть — это внутреннее греховное побуждение, но ещё не сам грех. Св. Никита Стифат в этой связи писал: «...страсть в душе движется, а деяние греховное телом видимо совершается». При этом и сама страсть вполне греховна: как сказано в Писании, даже мысленное вождение есть уже совершение блудного греха. Совершение кем? «Внутренним челове-

ком», конечно. Господь это объясняет так: «Ибо извнутри, из сердца человеческого исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимства, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство — всё это зло извнутри исходит и оскверняет человека» (Мк. 7, 21–23).

Прежде чем обратиться к детальному изучению страстей (нас ещё ждут материалы на эту тему), выделим несколько важных моментов общего характера, без учёта которых, строго говоря, невозможно осознать ни масштабов бедствия под названием «страсти», ни способов борьбы с ним.

Момент первый: страсть, даже микроскопически малая и, казалось бы, вполне безобидная, уже есть признак безумия души. Почему? Согласно учению Отцов, она как болезнетворная опухоль начинает разъедать и истреблять во «внутреннем человеке» образ Божий, и в этом смысле одержимый ею человек действительно напоминает безумного, который, не ведая, что творит, повреждает свою плоть, «раздирает, — пользуясь образным выражением Григория Синаита, — свою врождённую красоту».

Второе: страсть — и в этом её главная опасность — изгоняет из души благодать Духа Святого, неспособную пребывать в грязном теле и душе, порабощённой

греху. В отсутствие же благодати душа погружается во тьму и, тем самым, сама добровольно отдаёт себя на растерзание демонам-мучителям. Действие этого «алгоритма», а лучше сказать, духовного закона, подтверждается на каждом шагу — даже одна, вроде бы вполне безобидная, страстишка, тащит за собой целый ворох более матёрых страстей и производных от них грехов. И если исходная страсть ещё может быть плодом личного недосмотра и произвола, то все за ней последующие, вне сомнений, прививаются больной душе падшими духами, поощряемыми отсутствием благодатного Божьего света.

Третье: как и зло вообще, страсти (представляющие собой часть вселенского зла, а может быть, и более того — самый его корень) не имеют собственной природы. Здесь Православие решительно расходится как с языческими, так и со всеми без исключения позднейшими верованиями и философскими учениями. По утверждению Иоанна Лествичника, «зла и страстей по естеству нет в человеке; ибо Бог не творец страстей. Добродетели же многие даровал Он нашей природе». Попечением Божиим Адам и Ева были сотворены «чистыми душами», изначально в них не было и намёка на страсти. Гордыней (будете, как боги! — внушал им Сатана) и пре-

слушанием единственной заповеди Творца первые люди сами, не выдержав испытания свободой, заразили злом свои души, низведя их из естественного состояния в противоестественное. С этого всё и пошло...

Четвёртое: Святые отцы не устали повторять, что у истока всякой страсти обязательно лежит некое «природное свойство к добру», и в этом смысле лечение внутреннего человека есть не прибавление к нему неких новых качеств, но очищение души его от поразивших её пороков и язв. «Не пища зло, — пишет преподобный Максим Исповедник, — но чревоугодие, не деторождение, а блуд, не деньги, но сребролюбие, не слава, но тщеславие». Лечение души возвращает её из нижеестественного состояния в естественное (Адамово), и даже вышеестественное и «непадатательное». Только так душа восстанавливает свою природную силу и способности.

И последнее: исцеление души ведёт к бесстрастию, однако это бесстрастие не означает бесчувствия: исцеляя душу, мы не умерщвляем страсти, но преображаем их, очищаем, возвращаем страстные силы души к тому состоянию и источнику, из которого они вышли и в котором только могут достичь полного расцвета и вечного блага, — к Богу.

Как диагностировать в себе действие болезненных страстей? Очень

просто: для начала обратите внимание на то, как вы воспринимаете критику. Любую — и справедливую, и... не очень. Если в вас закипает кровь, если на попытку другого человека указать вам на ваши слабости и недостатки вы гневно парируете: «Сам ты больной!», — внимание! — вы страдаете гордыней, а это мать и царица всех страстей, и, скорее всего, за этой лютой страстью уже притаились её «милые дочурки». Отсюда следует, что ваши душевные силы, скорее всего, уже ослаблены и употребляются неправильно, ибо «доброе употребление их есть: ведение, благоразумие, любовь и целомудрие».

Самолюбие как первоисточник страстей

Кто-то из Святых отцов, по-моему Пётр Дамаскин, писал, что видение греха своего — это первый признак начинающегося выздоровления души. Но грех, как мы установили, есть внешнее проявление вполне уже зрелой и рвущейся наружу страсти; сама же последняя, подобно змее или крысе, прячется где-то в тёмных уголках души и умело скрывает себя от «хозяина». В том-то и сложность «видения греха своего», что человек по природе своей, во-первых, склонен к самооправданию; а во-вторых, как писали Отцы, «удобопреклонен», предрасположен к греху. «Всяк человек

ложь» — напоминает псалмопевец, кратко и ёмко выражая это главное свойство падшей человеческой природы и, вместе с тем, своё изумление пред личностью совершенного Бога и совершенного человека Иисуса Христа, который во всем нам подобен, ... кроме греха.

Страсти — грехи, грехи — страсти... Отцы по-разному трактовали их взаимодействие и взаимозависимость, в частности, вопрос о том, что от чего берёт начало. Но сейчас для нас эти тонкости, пожалуй, не так уж важны. Важно осознать крепкую связь между этими пограничными проявлениями болезни (безумия) души. Важно понять, что крысы-страсти, которых мы берёмся через видение греха своего и покаяние ловить и истреблять, весьма увёртливы и изобретательны; вернее, таковы демоны — суть те же страсти, как их определяли Отцы, которые незримо производят и воспроизводят внутри нас — через наши нервы, помыслы, чувства, намерения, контакты с миром и людьми — змеиный клубок страстей, тем возбуждая и неодолимую тягу к греху. «Как не мерзость душа, — восклицает Святитель Игнатий (Брянчанинов), — в которой непрестанно возвращаются буйные и чудовищные страсти, как бы ядовитые змеи, василиски и скорпионы в глубоком рву?». Настырность и изобретательность демонов — этих невидимых искусителей, каждый из которых отвечает

за «свою разновидность» страсти, всегда (ведь живёт он, нечистый, тысячи лет, не спит, не ест, ангельски умён, и при всём этом люто ненавидит человека) превосходит нашу скованную грехом способность к сопротивлению. Бой изначально неравен. Он вообще был бы обречён, не имей человек возможности обращения к помощи Божией и стяжанию благодати Духа Святаго.

Особенно трудны для различения те страсти, что прикрываются видимостью добродетели. «Как, черпая воду из источников, иногда не приметно зачерпываем и жабу вместе с водой, — пишет преподобный Иоанн Синайский, — так часто, совершая дела добродетели, мы тайно выполняем сплетённые с ними страсти. Например, со страннолюбием сплетается объядение, с любовью — блуд, с рассуждением — коварство, с мудростью — хитрость, с кротостию — тонкое лукавство, медлительность и леность, прекословие, самочиние и непослушание, с молчанием сплетается кичливость учителя; с радостию — возношение, с надеждою — ослабление, с любовью — опять осуждение ближнего, с безмолвием — уныние и леность, с чистотою — чувство огорчения, со смиренномудрием — дерзость».

Но вернёмся к истоку всего — к самолюбию. От этого корня, как считал Максим Исповедник, рождаются все прочие страсти. К сожа-

лению, очень похоже, что главным вектором развития (точнее, деградации) современной цивилизации как раз и становится всемерное возношение идола под названием «я, моё, мне». И теперь понятно, почему. Потому что из, казалось бы, естественного и ничем не сдерживаемого желания угождать себе вырастает целое древо страстей, которые, в свою очередь, совершенно отделяют и отвлекают душу человеческую от Бога, от соединения с Ним и исполнения заповедей Его. О каком внимании и, тем паче, послушании Божьей и вообще любой другой воле может идти речь, если ум, чувства и воля человека всецело поглощены служением себе — любимому и единственному! «Берегись, — предупреждает преподобный Максим, — матери зол, самолюбия, которая есть неразумная любовь к телу»; от неё «рождаются три первые и родовые страстные и неистовые помысла, а именно: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие»; от этих трёх «рождается всё племя страстей».

В прикладном плане, для простоты понимания Отцы характеризуют самолюбие как гипертрофированную любовь к телу. Помнится, мы говорили, что именно преувеличенное и всепоглощающее внимание к нуждам и запросам тела (всячески, заметим, поощряемое т.н. свободным рынком и культурой постмодерна) совершенно за-

слоняет от современного духовно-беспризорного человека не то что знание о собственной душе, но даже и простое признание факта её существования. А отсюда неотвратимо следует папуасское невежество в части соблюдения элементарной гигиены и ухода за «внутренним человеком», дальше — превращение последнего в грязного запущенного бомжа, изнутри терзающего нас на земле и обрекающего на вечную погибель за гробом. Как приговор, как набат всем нам звучат слова апостола Павла, определяющего «дела плоти» — страсти и их плоды следующим образом: «Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, соблазны, ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное, Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царство Божия не наследуют» (*Гал. 5, 19–21*).

Но возможно ли вырваться из «намазанных мёдом сетей» самолюбия, и как это сделать? На этот счёт посоветуемся с Отцами в следующий раз.

Как побеждать самолюбие?

Есть два полярных вида самолюбия — страстное и бесстрастное. Рассмотрим оба, но побеждать надо только одно из них — первое, которое святитель Игнатий (Брян-

чанинов) называет «извращённой любовью к себе»; второе же, наоборот, полезно в себе воспитывать. Но почему первый вид любви святитель считает извращённой? Потому, поясняет он, что страстное самлюбие есть искажённая любовь павшего человека к своей повреждённой и насквозь больной природе. К «внутреннему человеку» — божу (это я уже от себя). Такая любовь сродни «синдрому заложника» — необъяснимой привязанности жертвы к своему палачу и мучителю, явлению, известному в криминалистике.

«Льстивый и лукавый» мир всеми силами и средствами культивирует в нас первый вид самолюбия: с одной стороны, всё внимание человека фокусируется на улаживании своего тела и чувств, иногда — интеллекта; с другой — с детства от нас заслоняется или незаметно подменяется евангельская правда о двусоставной природе «любимого чада» Божия. Так и живём-можем, гонимые, как стадо баранов на убой, языческой школой, рекламой и культурой.

Что нам делать? Надо бороться, выбивать клин клином. Разовыми решениями или эпизодическими усилиями здесь, понятно, не обойтись: слишком уж въелась в нас накопленная за годы инерция самолюбования, слишком силён поток суетной ветхой жизни, внутри которого мы пребываем от рождения. Тут нужны комплексные меры. И ещё —

не обойтись здесь без помощи Господа, без Его силы, единственно способной вырвать нас из мутного потока стихий мира сего, чтобы переправить на сухой берег осознанности и веры.

Первый шаг в борьбе с идолом самолюбия — распознавание и признание его в самом себе. Для этого надо посмотреть на себя со стороны: выражается самолюбие «по отношению к близким или посредством ненависти, или посредством человекоугодия, то есть угождения страстям человеческим, а к предметам мира, которыми оно всегда злоупотребляет, — посредством пристрастия».

Как и во всех прочих разделах «умного духовного делания», внимание наше должно быть всецело обращено внутрь (хотя мир делает всё, чтобы было наоборот).

Начать лучше с «простого» — с выработки уважения к любому человеку, независимо от его возраста, пола, образования, состояния и проч. Сейчас этому не учат в школах. Не учат даже так, как учили в советское время в рамках «коммунистической морали и этики». Но всё же взгляните: перед вами не просто другой человек. Перед вами живая душа со своими её божественными дарованиями, столь же бесценная (дороже всех богатств мира), сколь и ваша собственная, и если она внешне выглядит не так, как вам хочется, не беда. Сквозь неё

на вас взирает сам Господь. Надо научиться любоваться любым человеком, надо предпочесть видеть не его недостатки, но его преимущества; а он обязательно знает или умеет что-то, чего вам не дано знать или уметь. Слабости и страсти этого человека хорошо бы научиться воспринимать не как вызов своему горячо любимому «я», а сочувственно — как проявление глубокой и хронической болезни родственной души, болезни, свойственной всем нам (и мне, и вам) без исключения. Никому ведь и в голову не придёт огрызаться на выходки умалишённых в психиатрической больнице: а не этим ли ровно мы занимаемся, когда вступаем в склоки, распри и конфликты друг с другом?

Очень полезно в борьбе с самолюбием — об этом без устали пишут все Отцы — воспитывать в себе смирение через видение греха своего, видение «бревна в своём глазу». Ох, как это непросто! Но надо, что делать? Здесь важны три момента. Во-первых, чем больше я различаю в себе страстей и недостатков, тем меньше у меня останется «естественного» желания возноситься перед другими людьми. Такой трезвый человек уже не станет поучать других, как им стать лучше, он поймёт, что негоже упрекать соседа грязью в его сарае (душе), если свой собственный сарай захламлен и запущен не меньше. Да и времени будет жалко тратить на чужое, когда у себя забот по горло. Во-

вторых, смирение привлекает благодать Божию, хотя бы и по капельке, а та лучше всякого психотерапевта искореняет и «выжигает огнём невещественным» гнездящееся в душе зло, исцеляет душу. В-третьих, смирение раскрывает глаза «внутреннего человека» на мир как, образно говоря, тифозный барак, и на Церковь как больницу. Воцерковление становится тогда не причудой, не модной блажью, а тем, чем оно является реально, — насущной потребностью больной души в получении помощи и лекарств свыше. «Для уничтожения в нас самолюбия, — пишет святитель Игнатий, — я должен отвергнуть все мои разумения, хотя бы я был очень богат разумениями. . . Я должен погрузиться в нищету духа и, обнажённый этой нищетою, омовенный плачем, углаженный, смягчённый кротостию, чистотою и милостию, приять разум, который благоволит начертать на мне десница моего Искупителя. Эта десница — Евангелие. А ты, душа, должна отречься своей воли, как бы это ни было тягостно для сердца, хотя бы чувствования и влечения твоего сердца казались тебе и самыми праведными и самыми изящными. Вместо своей воли ты должна исполнять волю Христа Бога и Спасителя нашего, как бы это ни было противным и жестоким для самолюбивого сердца».

О втором виде самолюбия подробнее поговорим позже. А пока отметим: Бог не только не запрещает,

но и призывает нас любить себя: «Возлюби ближнего, как самого себя». Однако под словом «себя» в данном случае подразумевается не плотской и страстный человек, а та безмерная самооценочность, каковую представляет собой чистая и простая душа, «внутренний человек», стремящийся к Богу и несущий в себе Его образ и подобие. Да и любовь тут другая — Божия, ибо сам Бог есть любовь.

Привал. Поучительное письмо

В нашем путешествии к истокам веры, путешествии в осознанность, пришло время сделать очередной короткий привал. Но мы, конечно, не собираемся просто так бездельничать. Разведя костёр, подкрепившись, чем Бог послал, и удобно устроившись на виртуальном бревне, все вместе мы заглянем в прошлое. Зачем? Чтобы убедиться: наши не менее, а, скорее, более, чем мы, просвещённые и образованные предки озабочены были, в сущности, теми же онтологическими запросами, теми же поисками души и Бога, что и мы. Письмо, которое мы читаем, в своё время настолько меня поразило, что я даже не поленился переписать его из первоисточника («Искание Бога. Сборник» Издание 3-е, дополненное, 1913, репринт 1991, сс.30–45). Пришлось, правда, дабы придать тексту удобочитаемую форму, убрать «яти», добавить знаков

препинания и сделать ряд других микроскопически незаметных глазу изменений, сохраняющих, впрочем, букву и дух этого, не побоюсь сказать, документа... двухсотлетней давности. Итак:

Письмо М.М. Сперанского другу, Пермь, 6 августа 1813 г.

«В горьких внешних обстоятельствах не иметь внутренних верных утешений, конечно, весьма горестно. От вас бы, однако же, зависело их иметь. Не стану здесь убеждать ваш разум. Кто не знает, что воздержание, например, есть добродетель весьма полезная, но знание это делает ли людей воздержанными?

Чего же тут не достаёт? Силы. Где же взять силу?

Сила самая благотворная и спасительная нас окружает, теснится у всех наших чувств, толчётся у нашего разума, просвещает всякого человека, грядущего в мир. Мы ей свои, и свои её не приемлют. Те, кои приемлют, получают тотчас, здесь на земле, в сей самой жизни, власть и право быть сынами Божиими.

Довольно ли этого для счастья? Довольно ли для самых обширных желаний?

Следовательно, дело состоит только в том, как почувствовать сию силу, как допустить в себя её благотворное влияние. До сих мест большая часть людей, ищущих истины, идут довольно единообразно; но здесь, на этом вопросе, мнения

разделяются и большая часть нашей братии, людей, избалованных лжеименным разумом, берут влево, ища сея силы в книгах, в размышлениях, в системах; это слепые, кои хотят измерить и определить, что такое есть свет, а потом уже надеются получить зрение.

Но как же открыть сие зрение? Надобно только отстранить то, что от нас затеняет сию силу.

В толпе наших мыслей и желаний с первого взгляда можно различить две физиономии: мысли добрые и мысли худые, желания правильные и желания порочные. Соберите воедино мысли добрые, свяжите их одной нитью воспоминания — это составит один образ бытия; сделайте то же и с худыми — это составит другой. Два сии бытия, непрестанно изменяясь, кажутся одним и тем же; но, сколько бы нити, их составляющие в общей ткани нашей жизни, ни были перепутаны, в существе своём они сохраняют свои природные различия и составляют два бытия отдельные: истинное и ложное.

Но как разложить два бытия, столь тесно соединённые?

Водою, духом и огнём.

Тшетны все умствования: нет других средств, кроме этих. Рассмотрим первое.

1) Очищение водою, путь Иоанна Предтечи.

Чтобы отделить зло, надобно прежде его обнаружить; надобно всё, таящиеся внутри нас, под ви-

дом слабостей и даже самих добродетелей, действительные пороки вывести на поверхность. Операция болезненна; только люди великодушные или терпеливые могут на неё решиться; удивительно ли, что большая часть её избегает?

Она состоит в том, чтобы дать самому себе строгий суд по трём главным законам бытия нашего — по гражданскому, нравственному и духовному. Последствия сего суда, если он правильно произведён, бывают ужасны. Это почти смертный приговор. Никто не должен тут надеяться на свою правду. Кто, ставя на сей суд, не почувствует себя величайшим преступником по всем трём законам правды, тот ещё не размышлял о себе и не видит ни зги. Тут нет ни изъятия, ни извинения.

Я долго взирал на преступников, законом осуждённых, публично наказанных и сосланных, с внутренним отвращением; ныне смотрю на них с некоторою отрадою. Многие из них агнцы добродушные в сравнении со всем тем, что называем мы часто: честный и порядочный человек.

Оставляю вам самим пройти всю цепь размышлений, ведущих к сему странному и точному заключению. Вы верно к нему придёте, когда, не щадя себя, не взирая на все стоны самолюбия, пустите нож испытания в самую середину того ужасного нарыва, той широкой раны, которая покрывает и грызёт

всё тело и душу человека. Не ищите в словах моих ни метафоры, ни парадоксов. Аминь глаголю вам, мытари и любодейцы предваряют вас в Царствии Божиим.

Сей суд есть и всегда будет первым и необходимым основанием всех религий; он есть на всех языках и во всех сердцах — глас вопиющего в пустыне: покайтесь!

Без сего суда все средства тщетны; всё, что люди ни мыслят, ни делают, ни затевают, всё есть прах, ветром возметаемый, и поистине не стоит даже и помышления.

Но ещё повторяю, тут не должно шадить себя; поверхностное обозрение своих мыслей и движений всегда кончится словами: несь, яко же прочии человецы. Также ещё повторяю, что тут не может быть и изыятий: всяка плоть сено; — всяка дебрь наполнится, и всяка гора и холм смирится.

Моя добрая и невинная Лиза тут столь же виновата, как и я: ибо она физически, в самом простом и прямом смысле, есть столько же Ева, сколько я Адам. Бог есть Бог живых, а не мёртвых; пред ним никто не умирает. Он не принимает ни нашего счёта, — ни второго, ни третьего, ни различия лиц, ни времён, ни имён; пред Ним существует человек, и более ничего. А суд на человека уже произнесён: вы есте дети отца вашего диавола, а он ложь есть и отец лжи (*Иоанн. 8, 44*).

Углубляйтесь, друг мой, в сии изыскания и не считайте их конченными, доколе не почувствуете в себе истинного сокрушения, доколе не растопится в вас весь слиток добра и зла, словом: доколе не найдёте себя, извините, самым горьким и безотрадным преступником.

Да! преступником; никто не должен стыдиться признавать себя внутренне таковым после того, как сама предвечная Правда благоволила страдать и умереть за нас на кресте между двумя разбойниками.

С сей точки зрения горестное ваше гражданское положение совсем переменит вид свой. Вы совершенно оправдаете Промысл; люди и их несправедливости пред вами исчезнут; останется один Бог и Его орудия. Во всех путях вашей жизни вы признаете Его отеческую руку, которая вас тихо, но непрерывно влекла к себе, которую вы часто с негодованием отталкивали, и которая, не взирая на сие, исторгла вас насильно, но всегда с той же любовью, из Вавилона страстей, где вы жили, и поставила на болезненном, но спасительном пути самопознания.

Что сынове сего века в вихре сует не понимают сего (Его) влечения, это естественно, но если мы с тобой, друг мой, его не чувствуем, это поистине несносно и даже уродливо.

Вместе с познанием себя вы почувствуете уже по необходимости и презрение к миру. То, что считали

вы слабостью, будет казаться пороком, а порок делается гнусным и отвратительным.

Когда таким образом два сии главные очарования — мир и ложное наше бытие — обнаружатся и начнут пред вами исчезать, тогда, и точно по мере их исчезновения, будет взиматься от глаз ваших то облако, которое скрывало свет и прерывало влияние благотворной его силы. В этом положении вы живо почувствуете нужду в её помощи, и помощь сия прийти не замедлит. Эти-то чувствования суть начатки возрождения или действия в вас Духа Христова.

2) Путь возрождения — или просвещения и креста.

Примечайте: всякая добрая мысль, всякое доброе движение воли есть движение Христово. «Без мне не можете творити ничесоже».

По мере того, как вы будете примечать в себе сии движения и относить их ко Христу, Он будет в вас возрастать и, наконец, вы достигнете того счастливого мгновения, когда в состоянии будете ощутить Его с такой живостью, с таким внутренним убеждением в действительно Его присутствии, что с непостижимой вам самому радостью скажете: так, это точно Он, Господь мой и Бог мой!

Минуты сего живого, сладостного и, так сказать, единственного ощущения бывают кратки, они даются единственно для того, чтобы

укрепить веру и усилить любовь, и, как скоро произведут сие действие, тотчас исчезают.

Для чего же исчезают?

Крещение Иоанново или самопознание (крещение водою), собственно говоря, не очищает от грехов, но, размывая слиток добра и зла, обнаруживает только их перед вами. Есть другое крещение — в Иисуса Христа (водою и духом), и сие есть в оставление грехов, т.е. совершенное уже их очищение. В младенчестве нашем мы получаем тайну сего крещения, но действие сея тайны должно продолжаться во всю нашу жизнь. Елицы бо во Христа крестихомся, въ смерть Его крестихомся; спогребохомся Ему крещением в смерть. Вы дали обещание умирать греху и жить только Богу. Да, мёртвы будем греху, живём же Богови. Отсюда возникает таинство креста, закон всеобщий и, можно сказать, единственный, на коем стоит как физическая, так и духовная природа.

Признав в себе на первом пути два бытия, истинное и ложное, упражнение второго пути единственное и истинное, — находим, что упражнение всей нашей жизни должно состоять в том, чтобы усиливать первое бытие и разрушать второе. Сие усиление и сие разрушение производит в нас та же любовь, тот же Христос; но в первом Он действует положительно, наполняя нас чувством Своего присутствия, а во вто-

ром отрицательно, распиная наши страсти, пороки, склонности и привычки на кресте страдания и самоотвержения. И сие необходимо.

Как можно чувствовать и наслаждаться истинным бытием, когда ложное не даёт ему места? Кто не воюет, тот не воин, кто не страждет, тот не христианин.

Но где же тут счастье? Неужели лестное право быть сынами Божиими состоит в страдании? Точно в страдании, и единственно почти в страдании, во все течение настоящей жизни. Люди весьма странны: хотят понять, что за счастье страдать от любви, не любя; смешивают сие страдание любви со страданием порока, или с простою болью, смешивают небо с землею и думают, что они всё рассудили.

Но как же им растолковать бы силу сего страдания болезненного и привлекательного, скорбного и бесконечно-сладостного?

Невозможно! Потому-то крест и есть таинство, потому-то он и есть погибающим юродство, что словами, без опыта, один другому изъяснить его не может. Люби, страдай, и всё узнаешь.

Итак, всё можно заключить в следующих трёх правилах:

Первое — вскрой пред собой без пощады всю мерзость греха; распознай в себе с истинным сокрушением два бытия: истинное и ложное (путь первый, крещение Иоанна, самопознание).

Второе — познай в себе силу и действительное присутствие Христа Спасителя, ознакомься с Ним непрерывным вниманием к словам Его не в книгах только, но в тебе самом, добрых мыслях и движениях твоих, кои мы по незнанию только и по гордости называем своими, и кои суть точно Его.

И третье — разрушай или, лучше сказать, не препятствуй Ему разрушать в тебе ложное твоё бытие, раздирать ложные навыки и пороки, страдай и терпи (путь второй, вера и крещение в Иисуса Христа, путь просвещения и креста).

Есть третий путь, ещё высший и совершеннейший; но говорить о нём бесполезно: ибо кто стоит твёрдо на втором, тот придёт и к третьему; а кто не знает ещё опытом второго, тот никогда не поймёт третьего, да, правду сказать, и изъяснить его словами — почти невозможно.

Какие же упражнения можно предписать себе к удобнейшему исполнению сих правил? Никаких; самое исполнение их и составляет всё упражнение. Начните завтра, начните сегодня (ибо время близ есть), и всё узнаете сами.

Исполнение первого правила приведёт вас к молитве: ибо тот, кто беден, тот просит. Молитва приведёт вас нечувствительно к обращению со Христом: ибо не мы

молимся, а Он. Кто без Него смеет выговорить: Отче наш! Бог есть Его отец, а нам единственно через Него и в Нём. Обращение со Христом приведёт вас ко кресту: ибо где Он, там крест.

К сим трём упражнением сами собой впоследствии присовокупятся два следующие:

1. Чтение Св. Писания. Живое и действительное обращение со Христом откроет вам первую возможность разуместь Св. Писание. Без сего обращения все усилия тут тщетны; всё это пустые умствования, душевная, а не духовная учёность, и одно суесловие. Слова Мои дух суть, живот суть. Но кто же откроет дух Христов, кроме Него Самого? — Св. Писание вообще есть не что иное, как изображение, или представление, в разных формах и видах одной и той же истины, а именно того, как Бог беседовал и сообщался с людьми — сперва через пророков (завет ветхий), потом ближе и яснее в образе Сына Своего — Слова (завет новый). Сие изображение начертано единственно для того, чтобы означить нам, что и мы в себе то же самое испытать можем и должны. Искать в Св. Писании наших бесплодных и пустых истин и суесловного порядка нашей бедной пятичувственной логики, это значит ребячиться, забавлять себя безделками учёности или литературы, Ещё раз повторяю, тут ничего не должно искать, кроме образа и представления Божиих с человеком сообщений.

2. Евхаристия. Если б я менее был уверен в путях благодетельного о вас Промысла, я бы не осмелился говорить о сём действительно священном и высочайшем таинстве. Обращение со Христом, временем и навыком утверждённое, неминуемо производит к Нему любовь; любовь рождает желание соединения, В сём расположении сердца Христос предлагает нам с Ним соединиться, иметь одно тело, одну кровь! И сие соединение действительно, не в фигурах и метафизических значениях, но самым точным пресуществлением совершается. Не смею писать более, хотя мог бы, кажется, по крайней мере, желал бы писать и говорить о сём целый мой век и не писать и не говорить более ни о чём. Прочитайте всю (разумеется, не теперь, а по очищении) проповедь, которая в церкви читается перед причастием (она содержится в общем собрании проповедей, изданных на воскресные и праздничные дни); прочитайте её со вниманием: вы ужаснётесь.

Нет истин в сей жизни более возвышенных, ни более верных, как эта! Когда вы её почувствуете, тогда и без моего совета не пропустите ни одного случая, возможного и удобного, вкусить сию действительно Небесную пищу, принять сей залог (не умственный только залог, но точно задаток) нашего с Богом соединения.